Г.Л. КЕССЕЛЬБРЕННЕР

КРЫМ
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Многоуважаемому Сергею Ивановичу на добрую память

Москва 31.7.94 г.

Москва 1994 г.

ББК 63.3(2)
К 33

Ответственный редактор
А. А. Злобин

Рецензенты:
Профессор кафедры истории
международных отношений и
внешней политики МГИМО МИД РФ
Н. П. Малетин
Профессор кафедры отечественной истории
МГИМО МИД РФ
А. М. Рудченко

Художник
А. М. Ясинский

К33 Кессельбреннер Г. Л. М.: SvR-Аргус, 1994. - 96 с.
ISBN 5-86949-003-0

Книга посвящена знаменательному событию в истории Отечества - присоединению Крыма к России в 1783 г. Книга написана на основе первичных архивных документов, иллюстрирована портретами главных действующих лиц.

Для широкого круга читателей.

К $\frac{1202000000\text{-}000}{^1P1(03)\text{-}94}$ Без объявл. ББК 63.3(2)46

ISBN 5-86949-003-0 © Кессельбреннер Г. Л., 1994

"Полуостров, называемый вообще Крым, есть знатная часть земли, со всех почти сторон морем окруженная и весьма узким перешейком с материю землею соединенная..."

Адам Нарушевич, епископ

"В тамошнее море впадают русские реки, по берегам коих живет русский народ".

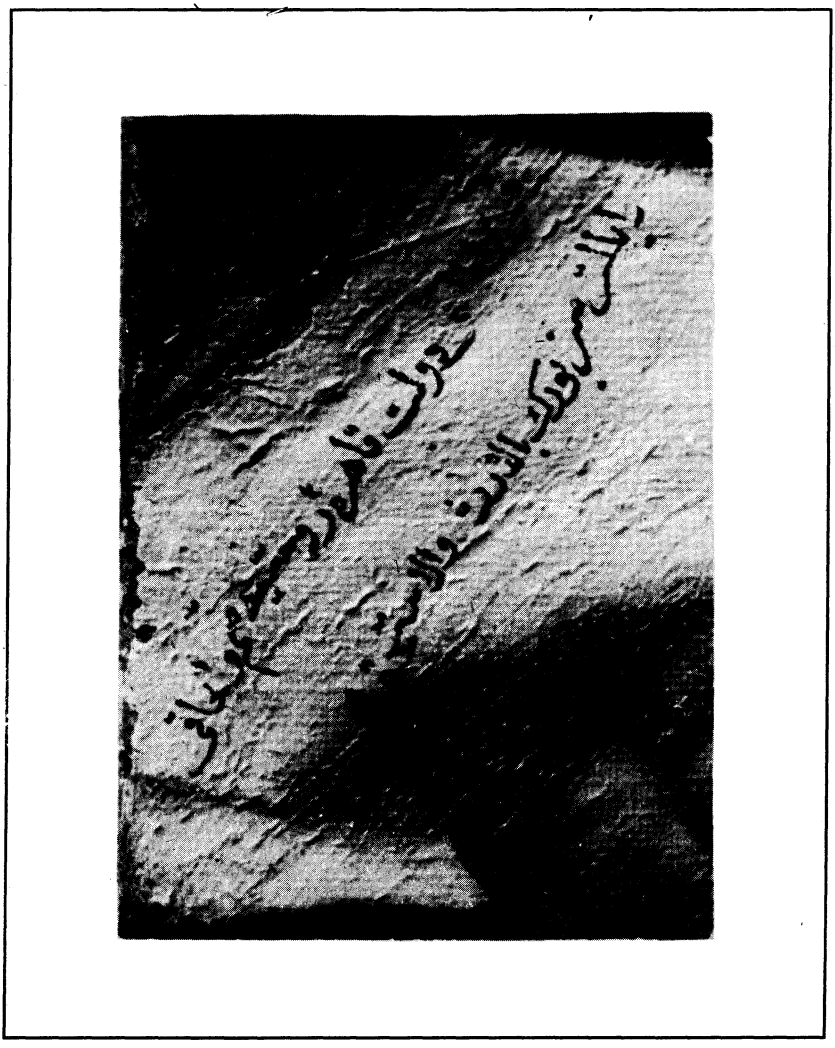
Юрий Крижанич

Императрица Екатерина II

На одном из многочисленных парадных портретов кисти В. Л. Боровиковского бросается в глаза не совсем обычный в подобных случаях сюжет. Художник изобразил портретируемого - а им был известный дипломат, создатель Азиатского департамента Коллегии иностранных дел России Сергей Лазаревич Лашкарев - сидящим за небольшим бюро, на котором лежит лист бумаги с аккуратными строками арабской вязи. В правой руке у него гусиное перо. Умное, сосредоточенное лицо, упрямо сжатые губы и усталые, чуть слезящиеся глаза - ему тогда было уже за семьдесят. Так вот, в двух строках этой надписи на турецком языке, которую просил прославленного мастера изобразить на полотне тайный советник С. Л. Лашкарев, упоминается о присоединении Крыма к России, к которому Лашкарев в свое время имел самое непосредственное отношение.

Надпись эта удивительным образом перекликается с хранящимся в Архиве внешней политики Российской империи одним важным документом - верительной грамотой, в которой, адресуясь к крымскому хану Шагин-Гирею, Екатерина II указывала: "Мы заблагорассудили отозвать находящегося при вашей светлости Нашего полномочного министра Веселицкого для употребления при других делах, а на место его определить в качестве резидента нашего надворного советника Сергея Лашкарева, которого, сим аккредитуя, желаем и требуем, чтоб

Сергей Лазаревич Лашкарев
тайный советник



Деталь картины В. Л. Боровиковского

Вы дозволяли ему всегда по востребованию дел и обстоятельств свободный к себе доступ и подавали веру всему, что он вашей светлости именем нашим и двора нашего предлагать будет, а особливо уверениям продолжительного нашего попечения об истинном благе вашей светлости и всей области Татарской" [1 г, 1782-1783, д. 75, л. 75]. Подчеркнем, что эти строки мы цитируем не по копии, как можно было бы предположить, а по подлиннику. Каким образом верительная грамота "за собственноручным ее императорского величества подписанием с приложением императорской печати" оказалась в коллежском архиве, мы расскажем чуть ниже, а сейчас обратимся к "крымским обстоятельствам".

Записка канцлера

Хорошо известно, что еще Петр I пытался положить конец опустошительным набегам крымских ханов на южные области обширной Российской империи, покончить с господством Порты на полуострове и получить столь необходимый государству вожделенный доступ к Черному и Средиземному морям. Однако послам императора османские правители неоднократно отвечали, что султан-де смотрит на Черное море, как на дом свой внутренний, куда нельзя пускать чужеземца... Об этом было также официально заявлено думному дьяку Емельяну Украинцеву, который по указу Петра I был послан в Стамбул для переговоров. Там Александр Маврокордато, "салтанова величества тайных дел секретарь и переводчик", решительно объявил русскому послу, что султан никогда не разрешит плавать европейцам "ради купечества по Черному морю, а в Аравии - по Чермному, поелику Оттоманское государство имеет эти моря яко чистую и непорочную девицу, и не токмо иметь на них кому плавание, но и прикоснуться никого никогда не допустит". Для усиления своей аргументации салтанова величества тайных дел секретарь снова прибег к метафорической речи, заметив, что "по Черному морю иных государств кораблям ходить будет свободно, когда Турское государство падет и вверх ногами обратится".

Справедливости ради следует отметить, что значительно раньше, в допетровскую эпоху, когда Крымское ханство еще было относительно независимым от Стамбула, его отношения с Москвой одно время складывались вполне благополучно. Так, серьезный историк и известный дипломат екатерининского времени П. А. Левашов в одной из своих работ подчеркивал, что при великом князе Иване III (1440-1505) татарские орды

не осмеливались "сильною рукою на Россию приходить и воевать" [11, с.97]. Тогда же, между прочим, и турецкие султаны относились к московским посланцам без всякой предвзятости. В те далекие времена "русские гости" (купцы) посещали Кафу, а ханы настойчиво искали дружбы с великим князем Московским. Такие отношения можно объяснить главным образом потребностями взаимовыгодной торговли.

Любопытно, что крымский хан Менгли-Гирей считал себя даже союзником Ивана III и служил посредником между Московским княжеством и Османской империей. В 1486 г. Иван III посылает в Крым посольство Семена Борисова, которому поручает просить Менгли-Гирея узнать намерения турецкого султана в отношении Москвы. Спустя два года крымский хан отвечал: "Турецкого султана слово таково: если великий князь тебе, Менгли-Гирею, друг и брат, то я также хочу быть с ним в дружбе и братстве". И хан советует Ивану III снарядить посольство в Стамбул. Москва откликается - отправляет в 1492 г. в Крым посланца Константина Заболоцкого с двумя грамотами: одна адресована Менгли-Гирею, другая султану Баязиду II. В первой грамоте московский князь сетует на то, что русских купцов в Кафе не всегда привечают, более того, им "чинятся обиды и притеснения". В ответе Менгли-Гирея сообщается, что притеснения "русским гостям" носили случайный характер. Вместе с тем он уведомляет великого князя, что является данником султана Баязида, сын которого утвердился в Кафе наместником. Это обстоятельство, разумеется, не могло не волновать хана, и он через своего посланца, посетившего Москву в 1500 г., делится с великим князем своими сомнениями на сей счет: "Пока он (наместник Шихзады. - *Г. К.*) - молодой и слушает наших советов, когда же возмужает, то Бог ведает, какой с нами будет" - и не без оснований

опасается, что от того может стать "лихо". А заключает свое послание хан так: "У нас в старых людях притча есть: две бараньи головы в один котел не лезут". И надо сказать, Менгли-Гирей нашел понимание в Москве.

Несколько ранее, весной 1497 г., в Крым и Турцию выехал из Москвы посол Ивана III М. А. Плещеев - молодой, талантливый дипломат. Поводом для поездки стало желание великого князя "видети здоровья" сына султана Шихзады и самого Баязида, а также возобновить прерванные торговые отношения. Были и ответные посещения Москвы турецкими посольствами. Иван III, трезвый политик, был заинтересован в союзниках на своих южных рубежах.

Но наступило время, когда международное положение России, ее неоспоримые государственные интересы вынуждали искать свободный доступ к южным морям. При этом не только в конце XVII в., но даже значительно позднее, в середине XVIII в., Османская империя продолжала всемерно противиться допуску российских дипломатов в Тавриду. Так, Коллегия иностранных дел поручает своему резиденту в Стамбуле А. И. Неплюеву (это было в 1744 г.) всячески домогаться права иметь консула в Крыму, поскольку расположенная за тридевять земель от полуострова Франция уже обладала таким правом. Однако даже это предложение было отвергнуто турками прямо с порога. И, как в связи с этим с горечью докладывал Неплюев в Петербург, на министерских конференциях в Стамбуле дальше обычных сентенций великого визиря, вроде той, что де "совершенной дружбе надлежит быть так чистой, как двум зеркалам, чтоб между оными никакой тени не было", дело не шло. Поэтому подобные донесения резидент вынужден был, как правило, заключать следующим образом: "Конференция, которая продолжалась два часа, окончилась, и подан шербет, умывание рук и

прокурение" [1 д, 1747, оп. 89/1, д. 3, л. 91 об. - 93].

Положение дел в Крыму продолжало вызывать озабоченность Петербургского двора и в дальнейшем, в частности при Екатерине II, вступившей на престол в 1762 г. В одной из поданных канцлером графом М. И. Воронцовым записок в связи с этим особо подчеркивалось, что Турция, кроме всего прочего, может также вредить России и через крымских ханов. Причем на будущее время для Российского государства надобно желать, чтобы приобретение полуострова Крым, или устья Дона, или какого-нибудь места, удобного для содержания флота на Черном море, "доставить себе на оном твердое основание", а тамошнюю коммерцию обратить в свою пользу и "оную распространить с полуденной стороны Европы".

В другой записке, озаглавленной "О Малой Татарии"[1] , канцлер рассматривает также частые набеги татарских ханов в пределы России, которые вынуждали ее для своей обороны и безопасности содержать против их орд "линии со знатным числом войска и пребывать посреди мира, равно как бы во время войны, во всякой осторожности" и которые доводили Россию иногда "до многих неприятных дел и хлопот, а иногда и до крайности с Портою". Граф Воронцов отсюда делает вывод: Россия для своей безопасности и господства на Черном и Азовском морях должна присоединить Крым. И далее читаем: "Россия потому главнейше стараться должна, чтоб от всех вышеупомянутых неудобств избавиться и привесть себя в том краю в совершенную безопасность. Полуостров Крым местоположением своим столько ва-

---

1 В книге В. Е. Везгрина "Исторические судьбы крымских татар" (М., 1992) почему-то утверждается, что у этого документа безымянный автор (С. 258).

Михаил Илларионович Воронцов
граф

жен, что действительно может почитаться ключом Российских и Турецких владений: доколе он останется в турецком подданстве, то всегда страшен будет для России, а напротив того, когда бы находился под Российскою державою или бы ни от кого не зависим не был, что не токмо безопасность России надежно и прочно утверждена [бы] была, но тогда находилось бы Азовское и Черное море под ее властью..." [19, с. 142-143].

Серьезные опасения, высказанные канцлером Воронцовым в приведенных документах, спустя несколько лет, когда вспыхнула русско-турецкая война (1768-1774), полностью подтвердились. Так, уже на второй день войны находившемуся в то время в Стамбуле С. Л. Лашкареву удалось узнать о серьезной опасности, которая угрожала России именно со стороны Крыма. Оказывается, турецкий султан направил крымскому хану указ, предписывающий ему напасть на российские пограничные провинции с его стотысячным войском, "пожигая и опустошая все, куда татарская сабля только достать сможет".

Лашкареву удалось отправить с этими важными сведениями двух курьеров: одного в Киев, "для донесения ко двору", другого - в Варшаву, к российскому послу князю Н. В. Репнину. Благодаря вовремя полученным сведениям коварный план султана в значительной мере был сорван и удалось спасти "от смерти, плена и опустошения все пограничные провинции, кроме новой Сербии, которая тогда от пограничных войск худо была защищаема" [1а, разр.II-16, 1811, д. 42, л. 5 об.].

Татарские орды по приказу хана Крым-Гирея внезапно вторглись в расположенную в верхнем течении реки Ингул и Ингулец Новосербию, где были расположены поселения сербов. Предавая огню и мечу буквально все, татары полонили поселенцев. На ханский

престол вместо вскоре умершего в походе Крым-Гирея был возведен турками не менее воинственный Девлет-Гирей III. Неудивительно, что генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский неоднократно требовал от Петербурга "решительного определения о Крыме".

Летом 1771 г. военные действия между русскими и турецкими войсками на суше и на море продолжали вестись весьма интенсивно. А между тем серьезно ослабленная войной к тому времени Османская империя, терпевшая поражение за поражением, уже не в силах была больше удерживать в своих руках важный плацдарм у южных границ России - Крым. В создавшихся благоприятных условиях 2-й армии под командованием князя В. М. Долгорукого удалось ворваться в Крым. Занятие полуострова приближало окончание войны и создавало благоприятные возможности для Петербургского двора добиваться у Порты независимости татарского населения полуострова. Многие местные жители, если не большинство из них, приветствовали приход русских, надеясь на лучшее, поскольку турецкий гнет, особенно в военное время, становился невыносимым. Они-то в Карасубазаре и избрали, не без подсказки русского командования, на ханский престол Сахиб-Гирея, а последний, в свою очередь, назначил калгой своего брата Шагин-Гирея, который в начале 1771 г. одним своим поступком заявил о своей лояльности к России. А произошло следующее.

Князь Долгорукий, находившийся в то время на Перекопской линии, пытался уладить дела с крымским ханом посредством переговоров. С этой целью командующий направил в Бахчисарай своего переводчика, но его тут же заточили в тюрьму и даже собирались повесить. Только смелое вмешательство оказавшегося в то время в столице Крымского ханства Шагин-Гирея спасло жизнь драгоману. В Петербурге, разумеется, посту-

пок Шагин-Гирея не остался незамеченным.

Французы говорят: прежде чем судить о пьесе, необходимо познакомиться с действующими лицами. Последуем и мы этому примеру.

Последний крымский хан

Шагин-Гирей, которому впоследствии суждено было стать последним ханом в Крыму, родился около 1745 г. в Адрианополе в зажиточной именитой семье. После смерти отца Мехмед-Гирей-хана Шагин-Гирей вместе с семьей переехал в Фессалоники (Салоники). Мать сумела дать ему неплохое домашнее образование. Вскоре способный юноша по совету влиятельных родственников отправился в Италию и на некоторое время поселился в сказочной Венеции. Здесь он внимательно знакомится с богатейшей материальной культурой страны, особый интерес проявляет к ее архитектуре, живописи и прикладному искусству, кроме того, изучает итальянский и греческий языки. Еще до посещения Италии он в совершенстве владел арабским языком и знал французский.

Дядя Шагин-Гирея - Керим-Гирей-хан, человек жесткий и своенравный, пригласил племянника к себе в Крым и назначил его сераскером в ногайскую орду, но там Шагин-Гирей пробыл недолго: продолжавшиеся военные действия в этом районе вынудили его перебраться в Бахчисарай. А летом 1771 г. калга Шагин-Гирей в качестве посла брата своего, Сахиб-Гирей-хана, поехал в Петербург; последний отправил Екатерине II грамоту и присяжный лист, подписанный влиятельными чиновниками и местным духовенством, об избрании его ханом. Два месяца спустя Шагин-Гирей прибыл в Петербург, где сразу же обратил на себя внимание. Не в меру самолюбивый европеизированный калга не мог не озадачить своим поведением Коллегию иностранных дел. Например, неожиданно восхотел, чтобы министр иностранных дел граф Н. И. Панин первым нанес ему

визит. Опытному чиновнику Коллегии Пинию, прослужившему много лет первым драгоманом в Стамбуле, стоило большого труда отговорить калгу от такой вздорной претензии.

Обеспокоенность петербургских дипломатов таким "непротокольным" поведением Шагин-Гирея понять можно. Дело в том, что в Коллегии иностранных дел, а до этого еще и в Посольском приказе очень ревниво относились к нарушениям - пусть даже незначительным - дипломатического протокола и этикета. Так, в России было хорошо известно, равно как и в Европе, сколь унизительны церемонии на султанских аудиенциях (земные поклоны, целование пола и т. п.). Вот почему, скажем, Иван III, направляя в конце XV в. в Османскую империю своего посла М. А. Плещеева, о котором мы уже упоминали, строго наказывал ему: "...поклон править стоя, на колени не садиться, самому султану речи говорить, а пашам отнюдь речей не говорить". Прибыв в Стамбул, Плещеев смело отказался выполнять подобные церемонии, чем создал важный прецедент и для других европейских дворов [19, с. 21]. Надо сказать, что в Стамбуле не могли не обратить внимание и на других послов Ивана III. Один из султанов даже заметил: "И я желал бы иметь таких чиновников!"

Щепетильность к дипломатическому этикету проявил и уже знакомый нам резидент в Османской империи А. И. Неплюев. Вот что он доносил по этому поводу в 1747 г. императрице Елизавете Петровне: "При аудиенциях резидентов вашего императорского величества у султана в диване оные за стол сажаются и место иметь должны с капитан-пашою, за отсутствием которого я, будучи посажен с нисанджою противу того, как с моим церемониалом значит, протестовал, а особливо, что в бытность здесь генерала Румянцева в характере чрезвычайного посланника отец мой (Иван Иванович

Неплюев. - *Г. К.*) тогда обще с ним за визирским столом обедал, по поводу чего и я того ж ныне требовал" [1д, 1747, оп. 89/1, д. 3, л. 6].

Весьма серьезно относился к дипломатическому этикету и князь Н. В. Репнин. Готовясь возглавить торжественное посольство, которое отправлялось в Стамбул весной 1775 г., этот опытный дипломат внимательно изучал церемониал, с которым принимали здесь в свое время российского посла графа А. И. Румянцева. Ценные наставления по этикету давал князю бывший резидент в Стамбуле А. М. Обресков. Он, в частности, советовал Репнину во время бесед с высокопоставленными турецкими вельможами "сильнейшие резоны беречь на закуску". И вот российский посол в турецкой столице. Он посещает визиря. В честь Репнина устроен пышный обед. По турецкому обычаю послу подносят соболью шубу, которую он надевает на себя, как особо подчеркивалось в отчете для Коллегии, "не вставая с места".

Или другой пример, более поздний. Принимавший участие в переговорах с Османской империей, приведших к подписанию Адрианопольского мира 1829 г., известный дипломат граф А. Ф. Орлов намеревался нанести визит в Стамбуле великому визирю. Накануне визита, как гласит одна легенда-быль, граф был предупрежден драгоманами посольства, что по принятому в Турции этикету великий визирь во время приема посланника не встает перед ним. Орлов на это, шутя, отвечал, что для него, мол, визирь встанет. В день аудиенции граф Орлов, имевший чуть ли не двухметровый рост, подошел к дряхлому старику визирю, сидевшему поджавши ноги на подушках, дружелюбно протянул ему руку и, произнеся слова приветствия на турецком языке, так крепко сжал его руку в своей, что старик вынужден был вскочить.

Вернемся, однако, к Шагин-Гирею; протокольный инцидент, о котором шла речь выше, как оказалось, не был последним. На этот раз пришлось очередным казусом заняться на своем заседании 22 ноября 1771 г. Государственному совету (созданному, как известно, Екатериной II). Вообще-то Совету вменялось в обязанность в подробности рассматриваемых дел за недостатком времени не входить, а предоставить их решение "исполнительным местам". Но в данном случае по предложению графа Н. И. Панина Совет вынужден был "войти в подробности". Казус заключался в следующем.

Строптивый Шагин-Гирей возымел твердое намерение не снимать головного убора на предстоящей ему аудиенции у императрицы. Свое решение он мотивировал тем, что в противном случае ему пришлось бы нарушить мусульманский закон. На заседании Совета в тот злополучный день раздраженный "Первоприсутствующий Коллегии" граф Панин, как явствует из протокольной записи, "представлял Совету: столь далеко идет претительность калги-султана в снимании с себя шапки... что последние его отзывы всякое дальнейшее о том настояние делают совершенно тщетным... Совет, уважая, что недопущение здесь при дворе калги-султана может вконец разрушить все наше в рассуждение Крыма толикими трудами положенное основание... нашел себя в должности помышлять о приискании удобного на все стороны приличного способа к изъятию из среды сего повстречавшегося камня преткновения, дабы и достоинство двора соблюсти, и калгу-султана не довесть опять в непреоборимой его претительности до возвращения в Крым без аудиенции..."

Понять озабоченность графа Панина и Государственного совета можно: ведь Петербург решил связать с Шагин-Гиреем свои далеко идущие планы в отношении

крымских дел. К тому же калга по-своему был прав в своем упорстве. И способ к "изъятию... сего... камня преткновения" был все же найден. Решено было "представить ее императорскому величеству, не соизволит ли приказать сделать татарскую шапку и отослать оную к калге-султану прежде допущения его ко двору... позволяя в то же время и всем татарам являться отныне везде с покрытыми головами, дабы они в новом своем состоянии с другими магометанскими нациями совершенным равенством пользовались" [2, с. 124-125].

Итак, Екатерина II, конечно же, соизволила принять такое соломоново решение Совета и данный конфликт был улажен. А Шагин-Гирей смог готовиться к высочайшей аудиенции, на которой вручил императрице привезенные с собой документы (грамоту и присяжный лист) и произнес краткую приветственную речь. По случаю этой аудиенции, имевшей место в Царском Селе, Екатерина II щедро одарила Шагин-Гирея - пожаловала ему бриллиантовый перстень и золотую табакерку. Кроме шапки он получил богатую шубу и столовый серебряный сервиз.

Любопытно, что свои впечатления об этой аудиенции императрица поспешила изложить Вольтеру. 28 ноября 1771 г. она писала знаменитому философу: "У нас здесь в настоящее время калга-султан, брат независимого хана крымского; это - молодой человек двадцати пяти лет, умный и желающий образоваться" [18, т.13, с. 190]. О том, какое впечатление произвел на императрицу Шагин-Гирей, свидетельствует и ее письмо (от 12 декабря 1771 г.) к приближенной ее матери госпоже Бьельке: "У нас здесь калга-султан, род крымского дофина... он красив, умен, образован... пишет стихи... он хочет все видеть и знать; все полюбили его" [там же, с. 201] (Заметим в скобках, что в одном из своих писем, обращаясь к императрице, госпо-

жа Бьельке льстиво писала: "Вы феникс из государей").

Неоднократно льстил Екатерине II и Шагин-Гирей, причем делал это довольно мастерски; значительно позднее став крымским ханом, он послал императрице такой панегирик в стихах: "Хвала господу, который создал солнце и луну, подвластную ему, от него же дарована власть царям и всем коронованным главам. Он же посылает им всю помощь и изливает на них к правлению правосудия должность. Но такового дара никоторый царь не имел, какие тебе царица царей владеть господь велел..." [8, т. 4, с. 639].

Между тем жизнь в Петербурге калге-султану явно понравилась: он часто появлялся при дворе, посещал балы и приемы, восхищаясь роскошью дворцов, вел расточительный образ жизни, причем в различного рода увеселениях себе не отказывал, часто посещал спектакли. Словом, европейская жизнь Шагин-Гирея в столице, да еще на широкую ногу, обернулась для казны немалыми тратами. Дело дошло до того, что графу Панину даже пришлось выкупать у ростовщика заложенные калгой подарки императрицы - перстень и табакерку. В декабре того же 1771 г. Шагин-Гирею была подарена сабля, оправленная в золото и украшенная драгоценными камнями; он также получил 20 тыс. рублей. Это произошло на отпускной прощальной аудиенции, и поэтому калга не успел саблю заложить ростовщику. Вскоре он отправился из Петербурга "во своясы" через Москву, везя с собой для крымского хана высочайший рескрипт. И еще одно приобретение удалось сделать Шагин-Гирею в северной столице: он научился немного объясняться по-русски.

Тем временем граф Панин счел необходимым сделать следующее предупреждение главнокомандующему Москвы князю Волконскому: "Что касается до персо-

нального в[ашего] с[иятель]ства с сим знатным татарином свидания, он сколько одарен природною остротою и рассудком, [с]только горд, надменен и высокомерен во внутренности, блазнясь древностию своего рода, от Чингис-Хана происходящего; он не хотел здесь никому первый визит сделать, надобно было с ним формальное изъяснение, чтоб он был у меня" [с. 20, кн. XIV, с. 553]. Князь же вышел из положения весьма просто, поручив общаться с Шагин-Гиреем своему адъютанту во время его кратковременного пребывания в Белокаменной.

Возвратившись в Тавриду, Шагин-Гирей становится убежденным сторонником отделения Крымского полуострова от Османской империи. В мечтах он уже видит себя на ханском престоле...

"Секретнейшая декларация"

Еще не успели высохнуть чернила на торжественно поставленных турецкими полномочными представителями подписях под Кючук-Кайнарджийским миром, завершившим русско-турецкую войну, как правители Османской империи начали борьбу за так называемое смягчение некоторых его основополагающих статей.

Главной целью этой борьбы было стремление во что бы то ни стало добиться пересмотра постановления договора о Крыме, получившего по трактату независимость. При этом Порта соглашалась лишь на какие-то незначительные уступки России, да и то только по второстепенным вопросам.

В рескрипте императрицы, направленном российскому посланнику в Стамбуле, особо подчеркивалось в связи с этим, что "министерство турецкое" издавна проводит определенную политику, "с одной стороны, работая в Крыму под именем Девлет-Гирея-Хана на укоренение там прежней неограниченной власти султана, а с другой - устремляясь отвлекать внимание наше от сего существенного пункта взаимных распрей на побочные, меньшей важности интересы, следовательно же, и усыплять бдение двора нашего временными своими в сих последних снисхождениями, кои, однако ж, умеет оно ставить в довольно дорогую цену" [1г, 1776-1801, оп. 123/2, д. 42, л. 8об-9]. Вместе с тем Екатерина II неоднократно подчеркивала: "Ни малейшая перемена в тексте трактата Порте от нас дозволена быть не может".

Да и четкие положения третьей статьи трактата о Крыме не оставляли туркам решительно никакой возможности какого-либо иного толкования этой статьи, в

которой указывалось: "Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавною властию собственного их хана Чингиского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, который управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчету ни в чем никакой посторонней державе; и для того ни Российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом, но признавать и почитать оную татарскую нацию в политическом и гражданском состоянии, по примеру других держав, под собственным правлением своим состоящих, ни от кого, кроме единого Бога, не зависящих" (цит. по [6, с. 350-351]).

Между тем, строго выполняя условия договора, российские войска сразу же стали покидать Крымский полуостров. Тем самым Петербург демонстрировал свою приверженность независимости Тавриды. Более того, уже 7 августа (мир был подписан 21 июля 1774 г.) в Государственном совете принимается важное решение, в котором недвусмысленно подчеркивается, что "надобно стараться оставить ныне татар при собственных их распоряжениях и таким поведением приучить Порту к оставлению их и с ее стороны в полной их вольности и независимости" [2, с. 286].

А что же турецкие правители? В Стамбуле была сделана попытка решить крымскую проблему чисто силовым методом. В Крыму неожиданно высадились войска, которыми командовал сераскер Али-бей. В их присутствии дрогнул и хан Сахиб-Гирей. Чтобы еще больше досадить России, он 24 июля 1774 г. в нару-

Крымские беи

шение даже элементарных норм морали поспешил выдать сераскеру тамошнего российского дипломатического представителя Петра Веселицкого; последний двумя годами ранее был назначен в Крым и "во все время должность свою с крайним наблюдением высочайших интересов исправлял". Веселицкий "под крепчайшим караулом с пасынком и переводчиком отвезен" из Бахчисарая в Алушту, где находилась ставка Али-бея. И это еще не все: "в самое то время весь дом его разграблен и восемь человек собственных его служителей порублены". А ханский чиновник, сопровождавший Веселицкого, отобрал у него в дороге часы, "говоря, что и без того турки отнимут" [1г, 1774-1782, оп. 123/2, д. 37, л. 522-530].

Когда в Петербурге узнали об этом неслыханном даже по меркам того времени злодеянии, то первоприсутствующий Коллегии иностранных дел граф Панин немедленно направил протест ханской администрации, где, в частности, указывалось: было учинено "самым вероломным образом непосредственно моему двору от крымского правления оскорбление в лице здешнего резидента, который в противность всенародных прав, во всем свете почитаемых, претерпел от оного правительства всякое ругательство и насильство и предан в плен с расхищением его дома и с убийством почти всех бывших при нем людей; поныне остается без удовлетворения, и кажется, что и заботы о том нет немалой" [там же, л. 138].

Эти события вызвали гнев Екатерины II не только потому, что Порта в очередной раз "выступила из границ трактатных обязательств"; императрица не могла понять поведение командующего 2-й армией Долгорукого: во время инцидента с российским резидентом его войска находились в Крыму. В результате было принято решение, выражаясь современным языком, сделать

кадровые перестановки в армии. Да и сам Долгоруков по-нял, что в создавшейся ситуации ему следует уйти в отставку. Императрица уведомляла вышестоящего начальника: "Долгоруков просится, и он, чаю, уже в Полтаве; итак, я его увольняю в отечество. Крымские дела поручить надо Щербинину". И затем важное замечание: "К фельдмаршалу писать должна я, с тем чтоб шагу земли не уступал, пока Кинбурн не будет отдан и турецкие войска не выйдут из Крыма" [1г, 1774, оп. 123/4, д. 55, л. 2]. А в это время фельдмаршал - речь идет о Румянцеве-Задунайском - был серьезно болен, о чем императрица еще не знала. Итак, крымские дела принял Щербинин; 1 ноября ему было присвоено звание генерал-поручика.

Османские власти не решились бы пойти на такие серьезные нарушения Кючук-Кайнарджийского мира, если бы не давление на султана со стороны очень влиятельной верхушки мусульманского духовенства, которая решительно потребовала восстановления в Крыму довоенных порядков, т. е. единоличного господства над полуостровом Османской империи.

Однако в создавшихся условиях Петербург проявил твердость не только по праву победителя: нельзя было создавать прецедент одностороннего нарушения договора, к ревизии которого, кстати, подстрекала Порту и Франция. Значительно позднее, 8 марта 1776 г., в письме к князю Потемкину Екатерина II распорядилась, чтобы перешедшие к России, согласно трактату, крепости Керчь, Еникале и Кинбурн были приведены "не только в беспечность от всякой сюрпризы, но в состояние выдержать осаду, если б дела достигли напоследок самого разрыва вопреки всем нашим стараниям и истинному желанию" [1г., 1774-1782, оп. 123/2, д. 37, л. 370 об.].

А признаки такого "разрыва" в политике Османс-

кой империи все отчетливее стали просматриваться: власти уделяли повышенное внимание военному флоту и приводили его в мобилизационную готовность, не торопились выплачивать контрибуцию России, обусловленную мирным договором 1774 г. Когда же А. С. Стахиев, сменивший в должности российского посла в Стамбуле князя Репнина (февраль 1776 г.), сделал турецкой стороне представление на сей счет, то реис-эфенди высказался в том духе, что "невелика будет беда, если уплата перейдет за срок - дело обыкновенное в долговых платежах". Российскому послу не оставалось ничего другого, как прибегнуть к испытанному побудительному средству - пообещать двум влиятельным фаворитам султана до 6% с каждого взноса. Только после этого более или менее регулярно начали поступать турецкие мешки с деньгами в русскую казну. Но и такие платежи продолжались недолго.

Хорошо известно, что во все времена официальные, а значительно чаще и неофициальные подарки турецким (да и не только турецким) чиновникам всех степеней играли важнейшую роль в дипломатических переговорах. Дело дошло до того, что в той же Османской империи, например, в XVII столетии получаемые чиновниками подобного рода подарки и деньги стали облагаться специальным "налогом с взяток". И видимо, от этой статьи дохода турецкая казна неплохо пополнялась.

Между тем Стахиев вынужден был докладывать в Коллегию иностранных дел, что, "кажется, турецкое министерство не намерено отступать от своих беспутных и невежливых требований относительно татар". Что имел в виду посланник? Турецкие правители стали поощрять крымских татар к выступлениям против российского присутствия на полуострове. Более того, вскоре сама Порта решилась потребовать от России "отсту-

пить от независимости татар, возвратить Кинбурн и оставить ей во владение Таман" [2, с. 324]. В ответ в инструкции, направленной российскому посланнику, указывалось, что Петербургский двор не допустит, чтобы отступиться от прав, приобретенных Россией "толикою кровию и толикими победами, утвержденными священнейшими договорами вечного мира".

В этих сложных условиях в Петербурге были приняты далеко идущие, важные решения, направленные на упреждение вероятных дальнейших шагов Порты в отношении Крыма. В архивных фондах об этом имеется немало документов. Позволим себе привести некоторые положения только из "секретнейшей декларации для Крыма от имени генерал-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского" (на бумаге помета: "апробована ее императорским величеством 6 октября 1776 г.") Итак, читаем: "Ее императорское величество соизволила повелеть мне занять крепость Перекопскую с ее линиею [как] для того, дабы они (крымчане. - *Г. К.*) в заблуждении своем очувствоваться и оное скоро исправить могли, так и для того, чтобы поставить себя в равное положение с Блистательною Портою Оттоманскою, которая обложила войсками своими Тамань и другие места. когда сверх того крымская татара, сами отступая от трактатного между двумя величайшими империями постановления о их политической участи, явно уже начали подчинять себя прежней турецкой власти и действительно препоручили присланным от Порты таможенным сборщикам сбор пошлины и таможенных доходов в Кефе и других своих городах".

Любопытно, что даже в этой "секретнейшей декларации" предусмотрительно умалчивается о намерении Петербурга утвердить на ханском престоле в Крыму своего ставленника. Правда, слабый намек на сей счет в документе все же сделан: "А как мне известно, что в

множестве жителей [Крыма] есть немалое число таких патриотов, кои цену вольности и независимости отечества своего в гражданском и политическом положении достойно чувствуют и желают пользоваться сими бесценными дарами человеколюбия и щедроты всемилостивейшей моей государыни, то я оных всех сим листом торжественно уверяю и обнадеживаю в высочайшем покровительстве [как] ее императорского величества к ним самим, к семьям их и имуществу их, так и от всех мне подвластных войск" [1г, 1774-1782, оп. 123/2, д. 37, л. 365-367]. В Петербурге рассчитывали, что на поддержку названных выше "патриотов" и сможет опереться Шагин-Гирей.

12 октября 1776 г. Екатерина II распорядилась, чтобы князь Потемкин в качестве вице-президента Военной коллегии и "земского начальника трех к татарским границам прилегших губерний" доставлял генерал-фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому "все нужные снабжения и пособия" для занятия войсками Перекопской крепости. Заметим, однако, что с успешным осуществлением этой военной демонстрации вышла заминка: неожиданно рано наступившая суровая зима не позволила войскам продолжать марш. И только в конце ноября вся перекопская линия была занята русскими войсками, о чем Стахиев поспешил уведомить реис-эфенди, одновременно заверив его в том, что такая мера является временной и вынужденной.

Может возникнуть вопрос: а не запоздало ли командование 2-й армии с проведением этой операции? Думается, что нет, поскольку именно поздней осени и дожидался Румянцев-Задунайский, чтобы приступить к выполнению распоряжения императрицы: в такое время нельзя было ожидать каких-либо решительных действий с турецкой стороны. Еще 28 октября Стахиеву был направлен рескрипт императрицы. Выпишем из этого до-

кумента только одно рассуждение: "Но мы то пред собою имели утешение, что по неспособности осени и зимы к военным действиям, следовательно же, и начатия войны дело может еще в сей раз обойтиться без разрыву, ибо пылкость первого жара в турках успеет утихнуть и уступить место рассудку" [1г, 1776-1801, оп. 123/2, д. 42, л. 6 об.].

Османское правительство не могло рассчитывать на возобновление войны с Россией и по другим важным причинам: турецкая казна пришла в оскуднение, армия не была в состоянии оправиться от тяжелых поражений в прошедшей войне, да и флот переживал не лучшие времена; к тому же повсюду, в том числе и в провинциях, усиливалось брожение, недовольство политикой султана, да и не шли дальше обычных своих обещаний помощи европейские союзники Турции. В этих условиях правящим кругам страны все труднее было удерживать под своим контролем Крым, даже несмотря на то, что там продолжал сидеть турецкий ставленник хан Девлет-Гирей. Именно при нем резко усилилось недовольство населения своим тяжелым положением. Распри и разброд раздирали ханство, и все это было на руку Османской империи, поскольку усиливало ее влияние в этом крае. Сам же Девлет-Гирей с беспокойством следил за развитием событий. Он понимал, что взятие русскими войсками Перекопа открывало им путь на очень неспокойный Крымский полуостров. Когда Бахчисарай был окружен, Девлет-Гирей бежал из Крыма на турецком корабле.

Петр Александрович Румянцев-Задунайский
фельдмаршал, граф

Гвардии капитан на ханском престоле

В начале февраля 1777 г. в Стамбул из далекого Петербурга прибыл внеочередной кабинет-курьер. Он привез обширную дипломатическую почту, большинство документов которой было написано "в цифрах". Стахиев с нетерпением дожидался их дешифровки. В них, как оказалось, содержались сведения государственной важности. Посланника информировали: в целях упредить намерения Порты окончательно закрепиться в Крыму предписывалось вступление русских войск в Тавриду, изгнание Девлет-Гирея и избрание на ханский престол Шагин-Гирея, который по замыслу Екатерины II должен был способствовать созданию вольной и независимой татарской области. К этому времени калга Шагин-Гирей уже находился на Кубани, где торжественно был объявлен самодержавным и независимым ханом. В этом качестве он вскоре был признан Петербургским двором; предполагалось, что с помощью русских войск в ближайшее время Шагин-Гирей вступит и в Тавриду.

В одном из этих документов граф Н. И. Панин предписывал Стахиеву напомнить реис-эфенди и другим важным сановникам из окружения султана, что в данном конкретном случае (речь идет о вводе российских войск в Крым) русское правительство лишь повторит действия, к которым прибегла сама Порта. Реис-эфенди должно быть известно следующее.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира русские войска в надежде на добросовестность турецкой стороны были выведены из Крыма. Екатерина II уповала, что ногайские и крымские татары смогут в полной мере пользоваться дарованной им в мирном трактате во-

льностью. Однако турецкий ставленник по инструкции великого визиря и при помощи янычар свергнул брата Шагин-Гирея, слабохарактерного Сахиб-Гирея, а также отправил войска на Кубань, которые неожиданно напали на ногаев, находившихся под управлением Шагин-Гирея. Это обстоятельство и понуждает Россию выбрать Шагин-Гирея и для управления крымскими татарами, дабы и крымские и ногайские татары смогли вкусить плоды мира и независимости на своей земле (см. [20, кн. XV, с. 194]).

Таким образом, теперь, после ввода российских войск в Крым (лето 1777 г.) пробил час для самого Шагин-Гирея. И вскоре он действительно становится крымским ханом. Важную роль в поддержке нового хана сыграл А. В. Суворов, против которого командиры турецких янычар выступить так и не решились. Как ранее его брат, так теперь Шагин-Гирей присягнул крымским феодалам, местному духовенству и чиновникам. Надо отдать должное его терпению: несколько лет он дожидался крымского ханства, вынашивал мечту отделиться от Османской империи и даже "устроить Черноморскую империю". Последующие события покажут, что дальше благих намерений дело не пошло. И это несмотря на то, что русские власти решили предоставить Шагин-Гирею полную самостоятельность в проведении внутренней политики.

Тем временем Османская империя поспешила заявить протест России. Оправдания в подобных случаях, как правило, бывают стандартными. Петербургский кабинет в ответ на турецкую декларацию, в частности, заявил: занятие русскими войсками Крыма сделано-де по желанию и просьбе самого хана, тем более что Шагин-Гирей избран народом и является независимым правителем, от которого требовать отчета Порта не имеет права. А 6 ноября 1777 г. на Государственном

совете обсуждалась записка-ответ, которую Стахиеву надлежало официально вручить реис-эфенди. В этом документе подчеркивалось: "Петербургский двор, не входя в опровержение всех изображенных в записке Порты нареканий и изъясняясь только, что вступление в Крым войск имело единственно в виду восстановление Татарской области в присвоенное ей трактатом состояние, обещает ей вывесть оттуда войска, если Порта признает татар навсегда вольными" [2, с. 331].

Решено было также этот ответ Порте подкрепить и другими резонами. В связи с этим граф Панин уведомляет Стахиева о высочайшем монаршем соизволении на дальнейшие употребления посланником "денежных способов в настоящем кризисе дел наших". При этом Панин счел необходимым предписать следующее: "...по ненадежности турецких чиновников в их звании и местах выгоднее будет для казны ее императорского величества, да и для пользы самих дел вместо определения назначенных от Вас персонам годовых пенсий до пятидесяти четырех тысяч левков содержать их в наших интересах умеренными, но пристойными, однако ж, по состоянию каждого месячными дачами, через что, уповательно, зависимость их будет сильнее и действительнее, основываясь на беспрерывной почти корысти" [1г. 1776-1801, оп. 123/2, д. 42, л. 38].

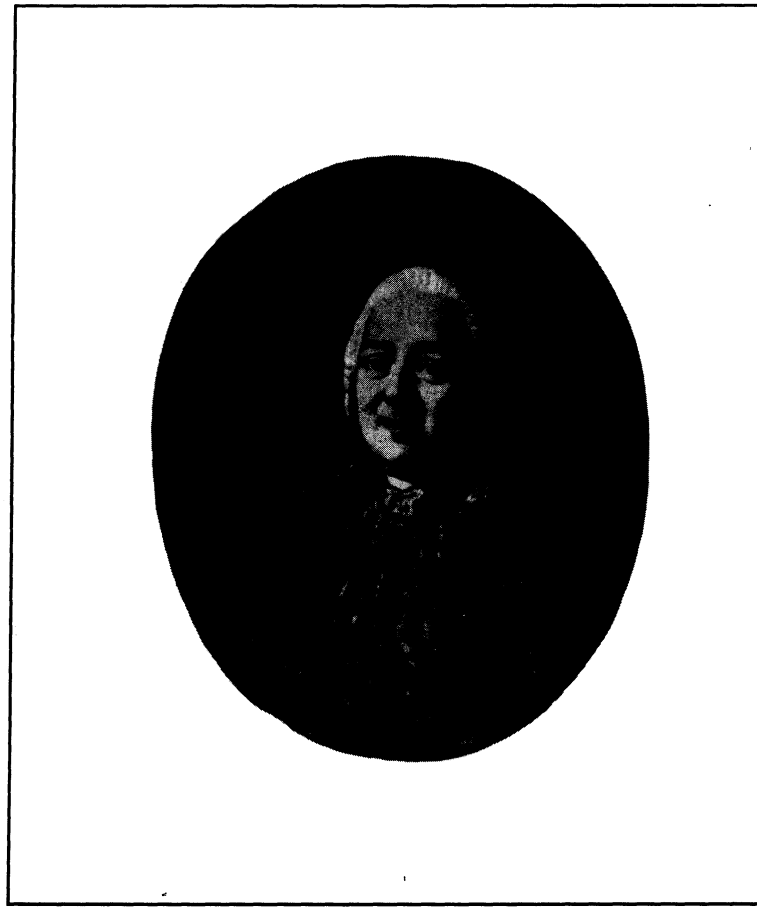
Заметим, что такого рода перевод нужных турецких персон на "сдельную" оплату услуг отнюдь не был, как уже говорилось, изобретением Екатерины II. Таким способом, например, пользовалась императрица Елизавета Петровна, которая в 1750 г. распорядилась: "...бывшие здесь (в Стамбуле. - *Г. К.*) пенсии все пресечь, но вместо того награждать по усмотрению показуемых услуг "[1д, 1751, оп. 89/1, д. 1, л. 209).

Вернемся, однако, к только что цитированным указаниям графа Панина. В этом документе упомянутая

первоприсутствующим в Коллегии "корысть" в одном случае персонифицируется: "Равным образом позволяет Вам всемилостивейшая государыня на выдачу Мурат Молле просимой им суммы двадцати двух тысяч пятисот левков для оплаты имеющегося на нем долгу от покупки дома, когда меньшею его задобрить и в доброжелательстве сохранить не можно и когда Вы опять продолжительно будете находить, что он столь знатной суммы стоит и подлинно находится уже на дороге быть муфтием" [1г, 1776-1801, оп. 123/2, д. 42, л. 38-38 об.].

Здесь необходимы небольшие пояснения. Мурат-молла - весьма влиятельный при султане представитель духовенства и, по определению Стахиева, "знатный, сильный и проворнейший в корпусе улемов человек", который даже решился (смелости придали ему русские деньги!) советовать султану признать Шагин-Гирея законным ханом. Однако османские правители были категорически против. Реис-эфенди даже заявил, что признать Шагин-Гирея ханом невозможно: это все равно, что велеть одному человеку вылить целый океан в чашку и выпить его... Что же касается до "знатной суммы", то она попросту пропала: Мурат-молла муфтием стать не успел и вскоре был сослан.

Все эти события отнюдь не помешали Шагин-Гирею приступить к делу, и притом пользоваться неограниченным покровительством России. Сразу же после своего избрания он создает ханский совет - диван, в котором сосредоточивалась вся административная и законодательная власть на полуострове. 12 сановников состояло в этом высшем государственном органе Крыма, который был поделен на шесть административных округов - каймаканств. Хан создал монетный двор, приступил к чеканке медной и серебряной монеты, причем необходимые для этого материалы поставляла Россия.



Никита Иванович Панин
граф

Оттуда же он просил прислать мастеров для отливки пушек и лафетов; неподалеку от Бахчисарая он построил небольшой пороховой завод, так как задумал создать регулярную армию. Некий очевидец этих событий в Крыму Рабби Азарья свидетельствует: Шагин-Гирей сделал перепись населения и назначил "брать по одному воину с пяти домов, которые обязаны были снабдить этого воина оружием, лошадью и всеми нужными припасами" [5, с. 104]. Но в создании армии хан не преуспел: местное население решительно выступило против этой затеи, а новобранцы вместе с оружием убегали в горы. Правда, удалось создать ханскую гвардию - ее воины отличались хорошей дисциплиной - и построить для них казармы. Из Германии были выписаны ремесленники. Шагин-Гирей решает перенести столицу в приморский город, для чего избирается Кафа. Здесь он начинает строить дворец, даже мечтает видеть свою столицу Малым Стамбулом (Кючук-Стамбул).

Для всех этих проектов нужны деньги, и притом немалые. К тому же Шагин-Гирей, по отзыву одного современника, не чужд "азиатской пышности": он выписывает из Петербурга предметы прикладного искусства, приглашает в Крым художников, увлекается "охотою псовою и соколиною". В результате усиливается налоговое бремя, все доходы ханства отдаются на откуп; важный источник дохода - добыча соли из Крымских озер - оказывается полностью в ханских руках. Все это привело к обнищанию населения и не могло не вызвать его недовольства. Особенно сильно ударила по простому люду откупная система. Дело дошло до того, что у хана не волен "в деревне ни один мужик убить скотину, кроме откупщика; также на откуп отданы ножи, хлеб и прочее все... покупая, например, четверть хлеба по рублю, продает через откупщиков по полтора рубли" [8, т. 1, с. 847]. Недовольными оказались и ханские чино-

вники, которых Шагин-Гирей лишил права брать поборы непосредственно с населения. Правящие круги Османской империи, пристально наблюдавшие за подобного рода неудачами русского ставленника в Крыму, при помощи своих агентов распространяли разного рода нелепые слухи, что хан якобы не чтит мусульманские законы и что он даже... крестился. Турецкое и местное духовенство не переставало призывать правоверных подняться на борьбу против злодея и мятежника, "отпадшего от магометанского правоверия".

Анализируя создавшуюся вокруг Шагин-Гирея взрывоопасную обстановку, опытный в оценке подобных событий Румянцев-Задунайский сообщал А. В. Суворову: "В таких особенно обстоятельствах, какие теперь, Вы должны отнюдь не подавать и малейшей причины хану к огорчению, но обходиться с ним ласково и почтительно... стараться всячески успокоить его и правительство до времени, пока исчезнет возможность для турок получить помощь от татар". Генерал-фельдмаршал, зная, что у прославленного полководца не сложились отношения с Шагин-Гиреем, писал в этом же послании: "Характер хана Вам должно быть лучше, чем другим, известен: он собенность свою всем другим предпочитает" ("собенность" в этом контексте - "собственная личность"). И далее: "он оставлял свое отечество, имение ближних для осуществления своих намерений; и сколько я могу судить о нем, то хотя он не учен, но умен и старается всегда по настоящим событиям проникать в будущее". Румянцев-Задунайский советует прославленному полководцу "всячески стараться держать его и правительство на такой дороге, чтоб они отнюдь не могли иметь поползновения внимать лестным обещаниям турок" [20, кн. XV, с. 233-234].

Ознакомившись с полученными из Коллегии иностранных дел бумагами по крымскому делу, императрица

направляет (еще 10 июня 1777 г.) записку графу Панину, в которой просит его сообщить ей, что по его мнению необходимо дополнительно предпринять "в видах России" по крымским обстоятельствам. Заканчивает же Екатерина II записку весьма осторожно: "А я до получения Ваших на сей счет мыслей удержусь объявлением моей резолюции" [1г. 1776-1801, оп. 123/2, д. 42, л. 40].

Однако было уже поздно. Едва успела Екатерина послать 25 августа 1777 г. Шагин-Гирею официальное поздравление в связи с его вступлением на ханский престол, как в Крыму вспыхнуло мощное восстание (2 октября). И хотя в Петербурге первоначально этот бунт назвали всего-то "крымским замешательством", тем не менее там не замедлили распорядиться привести в боевую готовность свои войска в этом районе. В середине ноября А. В. Суворов был назначен командующим кубанским корпусом, а в марте следующего года он уже возглавил все войска, расположенные в Крыму и на Кубани.

Не теряли зря времени и османские правители. 23 декабря 1777 г. состоялось заседание генерального совета Порты, на котором главным образом обсуждались события в Крыму. Непримиримые противники России, а их было большинство в Совете, высказывались за свержение силою ненавистного им Шагин-Гирея; улемы дали согласие на оказание помощи восставшим, а муфтий - фетву, т. е. разрешение на такие действия. Кроме того, в Крым был назначен новый хан - Селим-Гирей. А капудан-паша подкрепил такое назначение корветами с янычарами на борту, которые были направлены к крымским берегам на "ободрение бунтовщиков".

Российское командование сумело предупредить высадку турецкого десанта. Русские корабли, уступавшие турецким по количеству, удачно крейсировали вдоль по-

бережья. А турецкому ставленнику Селим-Гирею хотя и удалось высадиться в Кафе, но вскоре под ударами верных Шагин-Гирею отрядов ему пришлось бежать в Балаклаву, а затем обратно в Турцию.

Вместе с тем стало очевидно, что Шагин-Гирей и на самое короткое время не сможет удержаться в Крыму без помощи российских войск. При этом даже находившиеся при хане чиновники, по словам генерал-майора Прозоровского, "были подвержены сомнению". Пришлось принимать различные превентивные меры; например, из неспокойного Крыма согласно рескрипту Екатерины II при непосредственном участии Суворова были эвакуированы христианские жители (в основном греки и армяне), которые, по мнению полководца, находились "в опасности жизни и имущества". Всего в южные губернии России было переселено около 30 тыс. человек.

Анализируя создавшееся сложное положение на Крымском полуострове, Румянцев-Задунайский пришел к выводу, что "турки, отстранясь от пламени, непосредственно их пожирающего, сумели составить из суеверия искру неугасимого огня и положить ее между нами и татарами; они станут поддувать ее всевозможными способами на чувствительное наше изнурение" (цит. по [20, кн. XV, с. 227-228]).

Но, как ни "поддували" турки "искру неугасимого огня", мятеж был наконец подавлен, и в феврале 1778 г. повстанцы, окруженные со всех сторон русскими войсками, вынуждены были прислать своих депутатов, "принося повинную", а главари и зачинщики возмущения бежали в "Турские пределы"; среди повстанцев было значительное число убитых и раненых.

Мстительный Шагин-Гирей стал чинить расправу над участниками мятежа, не успевшими скрыться в горы или уехать в Турцию; ослепленный ненавистью хан не

понимал, что таким поведением он невольно дает повод для последующих возмущений. Тем временем ропот и недовольство населения продолжались, однако это обстоятельство не помешало Шагин-Гирею послать Екатерине II (в ноябре 1781 г.) "благодарительную грамоту"; ее отвез в Петербург посланник хана, второй придворный дефтердар Темир-ага.

Неожиданно Шагин-Гирею захотелось получить чин капитана русской гвардии. С такой просьбой он обратился к князю Потемкину, а последний спешно отправил соответствующее представление в Петербург. Вскоре хан получил вожделенный патент "за собственноручным подписанием": "Известно и ведомо да будет каждому, что мы, удовлетворяя желание светлейшего владетельного хана Крымского и всех Татарских орд, Шагин-Гирея в нашу гвардию в капитаны тысяча семьсот восемьдесят первого года, октября четвертого дня всемилостивейше пожаловали и учредили... В свидетельство того мы сие собственною нашею рукою подписали и государственною печатью укрепить повелели" [1г, 1781, оп.123/3, д. 105, л. 3].

В ответной грамоте императрице (28 марта 1782 г.) новоявленный капитан гвардии изъяснялся весьма витиевато: "Весь свет, зря премудрость Вашу, многие дивятся Вашей славе и в правлении россами прерогатив! Многие из просвещеннейших находят в особе Вашей жилище двух: Минервы и Цереры!.." И далее в том же духе: "Не нахожу силы при себе, какую повергнуть Вашему императорскому величеству, безмерной моей благотворительнице, благодарность за десятилетние Ваши благотворения, а паче среди оных за удостоение меня в число первых Ваших войск пожалованием в капитаны. Вместо оныя прийми, яко от раба, вечного моего чистосердечия приверженность, верность и усердие, чем и жизни кровию жертвуя, на все ее течение есьмь" [1г,

1782, оп. 123/3, д. 106, л. 1-2]. Остается только добавить, что шефом роты, к которой был причислен Шагин-Гирей, была сама императрица.

Однако, выпросив у Екатерины II капитанский чин, Шагин-Гирей тем самым оказал сам себе медвежью услугу. Его всегда недовольные чиновники еще больше возроптали: раз Шагин-Гирей удостоился чина в русской армии, то он в силу уже одного этого не может далее оставаться крымским ханом и поэтому пусть, мол, переходит на русскую службу. Да что там чиновники - новые интриги против хана начали плести даже его близкие родственники, сумевшие настроить против него муфтия: последний стал упрекать Шагин-Гирея в том, что он в подражание христианам не имеет "4-х жен [и более] вопреки закону, не желая тем самым поддерживать поколение Чингис Хана, что он стыдится бороды своей" и т. п. [16, с. 1220]. На другой день по приказу хана муфтий был повешен, что еще больше усилило недовольство его единоверцев. Действительно, скоро возмущение населения приняло такие масштабы, что Шагин-Гирей вынужден снова просить Петербург о помощи. К находившемуся там своему посланнику Темир-аге хан писал 14 июля 1782 г.: "...усмирение оных злодеев единственно зависит от милостивой помощи императрицы".

Между тем Шагин-Гирею пришлось бежать в Керчь, а затем по совету посетившего его по повелению князя Потемкина генерал-майора Самойлова направиться в более безопасное место - в Петровскую крепость. Но не только один Самойлов успокаивал вконец растерявшегося хана. Так же поступила (на этот раз, вероятно, по инерции) императрица. Своим рескриптом от 3 августа 1782 г. Екатерина II уведомляла Шагин-Гирея: "Посланник наш (Петр Веселицкий. - *Г. К.*) при Вашей светлости возвестит Вам, что Мы по непре-

менному нашему к Вам благоволению решилися обратить военные наши силы на укрощение мятежа, в народах татарских продолжающегося, и на утверждение Вашей безопасности и Вашего спокойного обладания теми народами..." [8, т. 4, с. 723].

Подчеркнем, что в отношении судьбы Шагин-Гирея в создавшихся обстоятельствах императрица лукавила: ей уже было ясно, что держать дальше своего ставленника на ханском троне невозможно да и не нужно. Казалось, что с властью этого деспотичного, честолюбивого и жестокого владетеля сразу же будет покончено, однако в Петербурге не спешили с таким решением. И снова водворенный в Тавриде при поддержке русских войск после серьезнейших "крымских замешательств" 1782 г. Шагин-Гирей с озлобленной жестокостью начал казнить своих, к тому времени уже умиротворенных с помощью штыков противников, чем вызвал к себе еще большую ненависть большинства своих единоверцев на полуострове.

В этой непростой ситуации князь Потемкин вынужден был предпринять кое-какие меры. Так, в ордере (приказе) командующему войсками в Крыму генерал-поручику Дебальмену (де Бальмен) в связи с происшедшими там казнями князь предписывал "объявить хану в самых сильных выражениях, что ее императорское величество с прискорбием получить изволила сие неприятное известие". Сама же императрица позднее, в конце февраля 1784 г., напишет Потемкину, что "собственное поведение Шагин-Гирея, наипаче его жестокость отдалили от него всех подвластных", причем многие из них "отозвалися, что они лучше повиноваться будут всякому российскому начальнику, нежели ему".

В упомянутом ордере князь Потемкин поручил Дебальмену принять меры для "удержания твердой ноги" в Крыму, где находилось около 8 тыс. солдат и

офицеров, а вблизи побережья "разъезжает десять российских судов" [1г, 1776-1801, оп. 123/2, д. 42, л. 440-441].

К этому времени реальной власти у Шагин-Гирея уже не было и в Петербурге больше поддерживать его не хотели. Потемкин же на этот счет строил совершенно другие планы. Князь принимается за дело решительно, тем более что к этому времени стал играть заметную, если не решающую роль в ведении государственных дел.

Однако дипломаты, аккредитованные при Петербургском дворе, пристально наблюдавшие за головокружительным возвышением князя, еще не догадывались о серьезных планах Потемкина, который задумал захватить важнейший стратегический форпост Турции на Черном море - Крым - эту, по его выражению, "бородавку на носу России".

Летом 1782 г. князь Потемкин направляет Екатерине II несколько писем, посвященных специально "крымским делам". В одном из них он уверяет императрицу, что присоединение Тавриды к России принесет ей славу, "какой ни один государь в России еще не имел. Сия слава проложит дорогу к другой и большей славе". И далее: "С Крымом достанется и господство на Черном море". А как же в создавшихся обстоятельствах поступить с обанкротившимся вконец ханом Шагин-Гиреем? Потемкин рекомендует императрице с ним не церемониться и попросту обмануть его: "Хану пожалуйте в Персии, что хотите (так!). Он будет рад. Вам он Крым поднесет в нынешнюю зиму, и жители охотно принесут о сем просьбу" [1в, 1779-1783, д. 591, л. 106-106 об.].

Насчет легкости, с которой хан намерен будет "Крым поднести" России, Потемкин позволил себе заблуждаться. Князь не мог не знать, что таких наме-

Григорий Александрович Потемкин
князь

рений у хитрого хана в 1782 г. не было и быть не могло: ведь Шагин-Гирей, несмотря ни на что, очень надеялся на поддержку и помощь турецких правителей.

В другом письме Потемкин выдвигал заранее заготовленные резоны, которыми императрице надлежало объяснить иностранным дворам, ревниво следившим за поведением России, необходимость присоединения Крыма к империи. По мысли Потемкина, "взятие навсегда полуострова" следует мотивировать тем, что уже "превеликие суммы людьми и деньгами" издержаны на колонизацию этой территории. Далее князь высказывает уверенность - и в этом он не ошибся, - что турки не осмелятся высадить в Крыму войска, когда полуостров станет российским, поскольку "сие было бы начать прямо войну, к которой султан и его окружение еще не готовы" [там же, л. 190 об.].

В недавно обнаруженной в архиве записке "О Крыме" Потемкин писал: "Татарское гнездо в сем полуострове от древних времен есть причиною войны, беспокойств, разорения границ наших, издержек несносных, которые уже в царствование вашего величества перешли только для сего места более двенадцати миллионов, включая людей, коим цену положить трудно". Автор записки полагает, что медлить с присоединением Крыма нельзя; при этом он особо подчеркивает, что Турция "не только разными образами от время до время через Крым будет Вас (императрицу. - *Г. К.*) тревожить и ослабевать издержками, которые тем сильнее, что при всяком в Крыму замешательстве должно нам полное делать против самой Порты приуготовление, но не упустит, выждав свободное время, захватить сей полуостров и в свои руки. Тогда тяжелее еще будет он России, нежели теперь".

Эти доводы были справедливы. Известно, что османские власти засылали в Крым своих эмиссаров, и

что часто гостили там французские военные инженеры; в Тамани и в других местах находились турецкие гарнизоны, а в г. Суджак, по сообщению князя Безбородко, турками был направлен известный "по его неспокойству и склонности к мятежам Мегмет-Гирей-Бей" [1г, 1782, оп. 123/2, д. 71, л. 3 об.].

Вернемся, однако, к записке князя Потемкина. Обращаясь к императрице, он писал: "Представьте сие место в своих руках. Увидите вдруг перемену счастливую для государства Вашего. Граница не будет разорвана между двух во веки с нами враждующих соседств еще третьим, и которое, просто сказать, у нас почти за пазухой. Сколько проистечет от сего выгодностей - изобилие, спокойствие жителей, а от того... умножение доходов". Но кроме "умножения доходов" князь видит и главное - военно-исторические "выгодности" операции по присоединению Крыма к России. Они суть следующие: "Господство непрекословное Черным морем, соединение Имеретии, а через то непрерывная граница всегда союзных нам народов между обоих морей, устье Дуная будет в Вашей воле. Не Вы от турков станете искать дозволения проходить Васпор (Боспор. - *Г. К.*), но они будут просить выпуска судов их из Дуная". И автор записки "О Крыме" вновь подчеркивает, что "нужно спешить исполнением сего" [1в, 1779-1783, д. 531, ч. 1, л. 194-195].

После такого настойчивого увещевания императрица наконец "снизошла" предписать тому же князю Потемкину, чтобы Крым "прямо обращен был на пользу государства нашего в замену и награждение осьмилетнего беспокойства, - вопреки миру, - нами понесенного, и знатных иждивений, на сохранение целости мирных договоров употребленных". Нетрудно заметить, что свое монаршее обоснование захвата Крыма Екатерина II заимствовала из ей же направленных писем Потемкина.

Указ императрицы

За принятыми решениями о Крыме последовал также секретный высочайший указ Коллегии иностранных дел от 8 декабря 1782 г. В этом важном документе Екатерина II, "признавая полезным и нужным не токмо на дела ее с Портою учредить план, но для руководства министерству начертать генеральную систему в рассуждении поведения ее с всеми другими державами, соизволила повелеть, чтоб предварительно присутствующие в Коллегии иностранных дел представили их мнение как относительно окончания дел здешних с Портою Оттоманскою и средств к отвращению всякого с той стороны для здешней империи беспокойства, так и в рассуждении дальнейшего поведения ее величества с прочими державами".

Такого рода указы Коллегия получала всегда, когда Екатерина намеревалась принять важное решение. И в этом случае императрица посчитала необходимым ознакомиться с авторитетным мнением "присутствующих в Коллегии", т. е. ее членов. Кроме всего прочего, в случае провала операции можно было вину свалить на кого-то другого, скажем, на авторов ответа: например, Остермана, Безбородко или Бакунина.

В начертанном Коллегией "плане" указывалось, что "мир Кайнарджийский, доставя России многие и заметные выгоды, заслуживает потому высочайшее матернее ее императорского величества попечение о сохранении его в целости". В данном случае речь идет о том, чтобы турецкая сторона, в частности, безоговорочно признала и выполнила статью трактата, где говорится о независимости Крыма. Для этого необходимо содержать на Черном море "знатный военный флот", который дол-

жен базироваться в удобных гаванях и иметь возможность в любое время беспрепятственно выходить в море. Такой удобной гаванью, в первую очередь, почитается Ахтиарская (несколько позднее названная Севастопольской). Вот почему рекомендуется присвоить Ахтиарский порт и "привесть оный как [можно] найскорее на оборону".

При этом особо подчеркивалось, что приобретение этого порта Россией "долженствует быть весьма независимо от Порты и не входя с нею ни в какие договоры". А благовидный предлог для этой акции в таких случаях всегда найдется. И высокопоставленные дипломаты советуют поступить следующим образом: "...пред публикою не излишно было бы употребить предлог займа или продажи [гавани] от Шагин-Гирея Хана, как владетеля законного и никому не подвластного". Между прочим сам Шагин-Гирей, действительно, советовал Петербургу использовать Ахтиарскую гавань, ибо "не только у здешнего полуострова, но и на всем Черном море другой [такой] не найдется, где бы флот лучше сохранен и служащие на оном удобнее и спокойнее помещены быть могли". Об этом высказывании хана поставил в известность Коллегию в июне 1782 г. резидент П. Веселицкий.

В этом мнении членов Коллегии предлагается и такая мера - "разлучение татар от всякой с Портою связи". Имеется и такая другая не лишенная интереса рекомендация: "...в случае умышленной от Порты, при ласковых словах, медленности в требуемом удовлетворении" следует устроить военную демонстрацию на Черном море.

Что же касается поведения России в отношении всех других держав, то Коллегия в составленной "генеральной системе" "на случай войны" рекомендует заблаговременно договориться с Венским двором "как о

плане операционном, так и о мере взаимных обеим сторонам удовлетворений за счет общего неприятеля". Иными словами, речь идет о предоставлении Россией некой компенсации Австрии за ее помощь; при этом особо подчеркивается, правда, в довольно расплывчатой форме, "что Венскому двору надлежит предоставить определение его у дела, ибо ему свои удобности лучше известны быть могут".

А какова будет реакция других дворов в случае возможной войны России с Османской империей из-за Крыма? Члены Коллегии полагают, что "главное помешательство быть может от Франции и Берлинского двора, а вслед за ними от Швеции и курфирста Саксонского". Данию же надлежит рассматривать в качестве полезной союзницы России как "на озабочение короля шведского, так и на недопущение в Зунд (прол. Эресунн. - *Г. К.*) чужих флотов". Анализируется возможное поведение в подобной ситуации и шведского короля, который "без чужих денег не может подвергнут быть на диверсию". Какие надежды можно связывать с Польшей? Коллегия в этом случае на многое не рассчитывает и полагает, что от нее, "кроме снабдения магазинов", другой выгоды ожидать нельзя. В то же время поведение "Гишпании, королей сардинского и неаполитанского и других областей итальянских будет зависеть от французского короля". А вот к Португалии Коллегия проявляет определенный интерес, поскольку в необходимых случаях порты этой страны могут пригодиться; при этом оговаривается, что Португалия "удобна только на перепутьи", т. е. как транзитная база для военных эскадр России.

Не лишен интереса и анализ поведения Англии в прогнозируемой ситуации. Члены Коллегии считают, что она будет оставаться нейтральной, поскольку, "утомясь в настоящей войне (речь идет о войне за незави-

симость в Северной Америке. - *Г. К.*) и возвращаясь после мира к обыкновенной своей системе, не входит без собственной своей настоящей нужды ни в какие союзы, на твердой земле будет, конечно, в войне обоих императорских дворов (Петербургского и Венского. - *Г. К.*) противу Порты оставаться равнодушною зрительницею" [1г. 1782, оп. 123/2, д. 71, л. 26-32 об.].

Эти выводы Коллегии, сделанные во исполнение секретного указа императрицы, интересны не только потому, что они, конечно же, имели самое прямое отношение к предстоящему вскоре присоединению Крыма к России. Весьма немаловажно и другое, пусть и побочное, обстоятельство. Известно, что такое присоединение в конечном счете не привело к военному конфликту между Россией и Османской империей, зато приведенные выше аналитические выкладки о вероятной политике европейских держав оказались в основном верными и для русско-турецкой войны 1787-1791 гг.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что операция "Крым" началась фактически за несколько месяцев до появления секретного указа императрицы, и выходит, что он был изготовлен уже "вдогонку" этих событий.

О том, что события эти развивались именно так, свидетельствует, в частности, письменное указание князя Безбородко от имени императрицы вице-канцлеру Остерману, составленное еще 25 августа 1782 г. в связи с подготавливаемой Коллегией иностранных дел запиской "для сообщения Венскому двору по здешним делам с Портою". Екатерина II распорядилась, чтобы в этом важном документе было особо подчеркнуто намерение Порты ревизовать основные положения Кючук-Кайнарджийского мира. Именно поэтому князь Безбородко и писал вице-канцлеру: вышеупомянутую записку надлежит составить "в такой силе", чтобы "поведение Порты Оттоманской от самого заключения мира дока-

зывало ее худую веру и желание препятствовать нам в выгодах, Кайнарджийским трактатом приобретенных. Затруднения в пропуске судов наших из Белого в Черное море, бывшие крымские замешательства, поступки ее в рассуждении Молдавии и Валахии были первым следствием сего ее намерения".

Безбородко предлагает также некоторые положения записки конкретизировать. Следует, например, подчеркнуть, что Османская империя, взяв на себя определенные обязательства в подписанном ею мирном трактате и согласившись на "плавание купеческих российских судов из Черного моря в Белое и по всем морям и водам, берега ее омывающим,и на совершенную вольность торговли здешних подданных, [в то же время] не дозволяет перевозить через земли ее съестных, морских и других припасов российского произращения". Далее: Порта "подвергает весь торг наш зависимости откупщиков своих и стесняет его запрещением вывоза изо областей своих вещей из ее произрастаний. Все сие делает она, конечно, в намерении, дабы мы, видя затруднения и не находя прибытка, отстали от всякой торговли в том крае и потому бы дела мало-помалу пришли в такое состояние, в каковом они до войны нашей с нею находилися". После всего этого делается вывод по важной проблеме: "...второй пункт наших неудовольствий на Порту заключается в поводе, со стороны ее подданном к настоящим в Крыму замешательствам..." Мысль эта конкретизируется таким образом, что не оставляет никаких сомнений в отношении ближайших намерений России в отношении Турции, чье поведение "несходно с доброю верою и дружеством": "всегдашние беспокойства границ наших со стороны Крыма, трудные движения войск, совокупленные с большими издержками, и всегда через Порту прерываемый покой понуждают ее императорское величество положить сей стране другое основание,

которое пресекло бы на времена будущие все способы Порте заботить ее своими в том крае ухищрениями".

Выделим еще одно главное положение, ради чего, собственно, и составлялась так тщательно эта записка. Екатерина II хотела надеяться, что Австрия выполнит свои союзные обязательства перед Россией, если Османская империя все-таки решится на крайние меры против Петербурга. "В таком случае обращается ее величество ко взаимным своим обязательствам с его величеством императором римским (Иосифом II) в уповании, что содействие его сократит Порту в пределах ее и отъимет у нее охоту искать средств к ущербу выгод, миром приобретенных" [там же, л. 2-6 об.].

Уже 7 октября 1782 г. эта записка "в крайнем секрете" была вручена вице-канцлером Остерманом австрийскому послу при Петербургском дворе графу Кобенцлю. Остерман заметил, что учиненное в Крыму против хана Шагин-Гирея возмущение произошло "от происков и ухищрения Порты Оттоманской", и "ее императорское величество вознамерилось употребить последнее средство для окончания дел своих с Портою и потому сделать ей общее с Венским императорским двором следующее сильное представление: "...чтоб Порта Оттоманская не мешалась более ни явно, ни тайно в дела татарские; чтоб она хана не инако почитала, как государем независимым, и чтоб вследствие того не принимала никаких на него жалоб".

Конечно, было бы странным, если бы Османская империя не воспользовалась возможностью "поддувать" пламя крымского возмущения, но представляется сомнительным, чтобы турки играли в этом деле решающую роль.

В заключение Остерман заявил австрийскому послу: "По сим обстоятельствам, как и в рассуждении дружбы, между императорскими величествами существую-

щей, надеется ее величество, что Иосиф II предпишет своему послу в Константинополе барону Герберту убедить Порту в следующем: принятие делаемых ей Российским двором предложений есть единый способ для избежания неприятных происшествий, от отвержения оных последовать могущих и на которые его величество император всеконечно с равнодушием взирать не будет" [там же, л. 8-14].

Любопытно (и это бросается в глаза), что при встрече с австрийским послом вице-канцлер прокомментировал записку очень подробно ("весьма расширительно"). При этом Остерман пытался "разговорить" Кобенцля, чтобы еще до получения ответного послания Иосифа II попытаться выяснить, насколько далеко может пойти Австрия в поддержке российских намерений в отношении Порты.

Копия записки была отправлена российскому послу при Венском дворе князю Д. М. Голицыну для вручения Иосифу II. Ему же Коллегия предписывала при посредстве австрийского канцлера князя Кауница домогаться у императора "дружеского содействия" планам России, а также специального поручения австрийскому посланнику в Стамбуле барону Герберту о совместных действиях его с российским посланником в Порте Я. И. Булгаковым, которым надлежало добиться от турецких властей "принятия последних и всемерно непременных предложений" России. В свою очередь, в секретной инструкции Остермана Булгакову последнему предписывалось совместно с бароном Гербертом объявить "кому надлежит, что император всеконечно не останется равнодушным зрителем настоящих здешних хлопот с Портою".

Спустя месяц из Вены был получен ответ. Об этом вице-канцлера уведомил граф Кобенцль. Австрийский император, говорилось в этом ответе, "по турецким

Император Иосиф II

делам", действительно, намерен исполнить все то, о чем условились "в беспосредственной его переписке с ее величеством, и на деле доказать всю готовность к удовольствию ее величества"[1].

В свою очередь князь Безбородко 12 октября 1782 г. попросил Остермана изъявить графу Кобенцлю "совершенное удовольствие ее императорского величества о том, что со стороны их по здешнему требованию сделано; что в поспешности, оказанной при сем случае императором, встречает ее величество сильные опыты его дружества и что ее величество желает найти случай на деле доказать свою к тому признательность и готовность поспешествовать пользе и славе его величества".

Несколько позднее австрийская сторона выразила пожелание, чтобы Булгаков "больше согласия оказывал по делам барону Герберту, нежели как он поныне оказывает". Сдержанность российского посланника в Стамбуле во взаимоотношениях со своим австрийским коллегой объяснима, поскольку Булгаков еще не знал, что предпримет императрица в самое ближайшее время в отношении Порты. Когда же позднее, в середине 1783 г., ему удалось, несмотря на "сложности по крымским делам", подписать с Турцией после длительных

---

1 В одном из писем, адресованных Екатерине II, австрийский император еще 17 июля 1782 г. писал: "Получить письмо вашего императорского величества и отвечать на него в продолжение тех же двадцати четырех часов было во мне одним чувством и одним действием. Мне не нужно ни размышлений, ни соображений, ни расчетов, когда мое сердце чувствует и когда дело идет о том, чтобы служить, смею сказать, моей императрице, моему другу, моей союзнице, моей героине; да, я готов всегда ко всякому соглашению с вашим императорским величеством относительно всех возможных событий, каковые могут произойти от смут в Крыму".

переговоров выгодный для России "Трактат о торговле" (какого, по выражению князя Безбородко, "ни одна держава не имеет"), он доложил в Коллегию, что ему в этом помог "с искренним успехом" барон Герберт.

Итак, с Австрией было достигнуто полное согласие по интересующему Россию вопросу. А как обстояли дела с другими державами? С ними решено было "держать паузу" до тех пор, пока Россия не присоединит Крым.

19 апреля 1783 г. это событие произошло. Сразу же к иностранным дворам были направлены обращения Екатерины II; они не замедлили с ответом, однако соответствующие ноты, естественно, не были адекватными.

Так, в Берлине акция России была встречена весьма прохладно. 6 мая на конфиденциальной встрече с Остерманом посланник Берлинского двора граф Герц заявил вице-канцлеру, что "оказываемая откровенность" принята государем его с великим признанием, а затем не без иронии заметил, что Фридрих II не удивится "объявленным издержкам (12 млн. руб.), когда его величество сам на баварское дело, от которого собственно не имеет никакой пользы, употребил до 17-ти миллионов ефимков". Хорошо известно, сколь порой недружественными выглядели акции Берлинского двора по отношению к России; фельдмаршал Румянцев-Задунайский видел в его дипломатии и "волчий рот и лисий хвост".

Франция же выразила по поводу решения Петербурга в отношении Крыма откровенное неодобрение. Это подтверждала инструкция, направленная французским министром иностранных дел Верженом своему посольству в Петербурге. Оправдывая поведение Порты, министр подчеркивал, что турецкий султан "сверх того еще постановил с Россиею толико выгодный для нее торговый трактат. Все сие ясно доказывает, сколь

дружба ее величества для Порты драгоценна (!) и что сия последняя склонится всеконечно на возможные меры для сохранения спокойствия на границах российских без нарушения, однако ж, безопасности Турецкой империи". И далее: "Король... повелевает вам представить ее величеству добрые его услуги для укрощения новых несогласий, между ее империею и турками начинающихся. Впрочем, король, приемля на себя толико трудное старание, не имеет иное что в виду, как только явить новый опыт ее императорскому величеству о его личных к ней расположениях, а всей Европе - о его неусыпном попечении сохранить драгоценный мир" [1г, 1782, оп. 123/2, д. 71, л. 104-105 об.].

О неодобрении Франции недвусмысленно свидетельствовала и присланная из Парижа вербальная нота, которую 26 июня 1783 г. зачитал на министерской конференции у вице-канцлера Остермана французский посланник в Петербурге маркиз Верак. Похоже, у Остермана имелась на этот случай так называемая "домашняя заготовка". Как явствует из протокольной записи, маркизу было заявлено, что принятое ее величеством намерение о присоединении к империи Крыма, Тамана и Кубани "никак уже отменено быть не может". И поскольку Верак продолжал настаивать "на добрых услугах" Франции, то вице-канцлер неожиданно заметил посланнику, что, "сколь беспристрастно и равнодушно ее императорское величество взирать изволила на завладение Корсикою (Франция в 1768 г. направила на остров войска и установила там свое господство. - *Г. К.*)... столь же беспристрастного и равнодушного поведения имеет ее величество причину ожидать" и от французского короля "относительно настоящего ее предприятия, стремящегося единственно к успокоению границ ее империи".

В ответ на подобные действия французской дипло-

матии в Париж была отправлена мастерски составленная нота: "Ее императорское величество изволила с признанием уведомиться о дружественных к ней расположениях его христианнейшего величества. Не меньше того было ей приятно узнать, что король отдает справедливость правосудию ее, во всех случаях являемому, и она ласкается [надеждою], что, когда его величество познает причины, побудившие ее вступить во владение Крыма, Тамана и Кубани, он всеконечно удостоверится, что ее величество видела себя в неизбежной необходимости употребить наконец сие необходимое средство". А далее с некоторым сожалением и, конечно, не без лукавства говорится: "Вследствие сего и как нет способа отменить резолюцию (о присоединении Крыма), которая уже совершенно исполнена, не может ее императорское величество воспользоваться добрыми услугами его величества короля в том виде, в каком они, как кажется, представлены были..." И в заключение - такой пассаж: "Напротив того, как занятие, о котором здесь упоминается, не токмо не нарушает мир между Россиею и Портою, но может оный еще вяще утвердить, то и нужно ее величеству убедить Порту о сей истине всеми способами. Здешнему, в Константинополе, министру (Я. И. Булгакову. - *Г. К.*) предписано уже объявить Порте, что ее величество твердое имеет намерение пребывать с нею в мире, доколе турки сами не принудят ее величество от сего намерения своего отстать"; и поскольку Франция в своей вербальной ноте предлагала свои добрые услуги, то сейчас, после присоединения Крыма, Петербург готов ими воспользоваться; посему весьма ее величеству угодно будет, если и король с своей стороны употребит старание свое у Порты на отвлечение ее от всякой крайности в таком деле, которое для нее вовсе чуждо" [1г, 1782, оп. 123/2, д. 71, л. 105 об.-107].

Думается, подобные документы могли бы войти в учебники по дипломатическому искусству. Собственно, в таком же стиле действовал и вице-канцлер Остерман, когда 23 апреля 1784 г. пригласил в Коллегию поверенного в делах Франции в Петербурге Кальяра, чтобы передать ему "признание ее императорского величества к его христианнейшему величеству за употребление пособия (!) к воздержанию турков от войны". Кальяру было также заявлено, что императрица равным образом весьма довольна поведением посла графа де Сент Приеста (Сен-При. - *Г. К.*)" в Стамбуле [там же, л. 129, об.-130].

Другое дело - переписка на эту же тему с австрийским кабинетом, заранее подготовленная императрицей. Остерман пригласил к себе графа Кобенцля, сообщил ему, что Екатерина II не хотела бы "замедлить с сообщением" о Крыме "его величеству императору, лучшему своему другу и вернейшему союзнику", и вручил австрийскому послу письмо императрицы. В нем Екатерина II выражает уверенность, что в случае возникновения войны с Турцией Австрия выступит на стороне России. В послании содержится такое заманчивое предложение: "Ее величество, приобретая Крым, с удовольствием видела бы, есть ли б император воспользовался удобным моментом для приумножения своих владений на счет общего неприятеля..."

Как мы увидим ниже, Австрия не отказывалась от "приумножения", но отнюдь не за счет Османской империи.

Между тем Остерман уведомил также графа Кобенцля, что Екатерина II изволила пожаловать барону Герберту "за его подвиги по делам здешним с Портою четыре тысячи червонных и соболью меха для госпожи Герберт" [1г, 1782, оп. 123/2, д. 71, л. 57]. Эти царские милости объяснялись тем вкладом барона, который

обеспечил успех переговоров Булгакова с турецким министерством о заключении торгового трактата между Россией и Османской империей. Здесь следует оговориться. На самом же деле имелось в виду совершенно другое: барону Герберту Коллегия платила авансом за его помощь в возможном улаживании конфликта России с Турцией из-за Крыма.

В ответном послании Иосифа II (19 мая 1783 г.) Екатерине II говорится: "Я не могу обойтись, чтоб не поздравить ваше величество с распространением империи Вашей, учиненным без обнажения меча и потери людей, и приемлю в сем событии искреннейшее участие". Австрия "при нынешнем случае" не требует для себя "никакого эквивалента" за счет турецких областей, (Заметим в скобках, что это отнюдь не означало стремления Венского двора поступать в таком случае бескорыстно.) надеемся, что Россия проявит взаимность при удобном случае способствовать Австрии в новых территориальных приобретениях". В действительности же Иосиф II надеялся заполучить лакомый кусок из так называемого баварского наследства или из польских земель.

Таким образом, Венский двор дал согласие на совместный демарш с Россией против Османской империи. По этому поводу Екатерина II писала (18 июля 1783 г.) князю Н. В. Репнину: "Римский император снабдил уже повелениями своего интернунция в Цареграде присовокупить его подвиги к подвигам моего там министра (Булгакова) для представления Порте, что от неё зависит кончать сим образом дела наши или же подвергнуть себя войне, в которой оба императорских двора по их обязательствам за одно действовать станут" [1г, 1776-1801, оп. 123/2, д. 42, л. 425-425 об.].

Однако мы несколько забежали вперед и нам необходимо вернуться к хронике событий операции "Крым".

Операция "Крым"

Как говорилось выше, во второй половине 1782 г. дальнейшая судьба Крыма уже была предрешена и Екатерина II внимательно следила за действиями находящегося в то время на юге России князя Потемкина, которому было поручено принять определенные меры для подготовки присоединения Тавриды к России. Между тем даже в начале следующего года в Коллегии иностранных дел все делали вид, что в том беспокойном районе ничего особенного не происходит. Более того, даже назначили нового российского резидента при Шагин-Гирее - надворного советника С. Л. Лашкарева. Видимо, такое решение было принято для того, чтобы усыпить бдительность турецких властей, а заодно и осторожного хана. В Петербурге готовились к срочному отправлению вновь назначенного резидента к месту службы.

11 января 1783 г. князь Безбородко писал вице-канцлеру: "Ее императорское величество высочайше указать мне изволила сообщить вашему сиятельству, первое, об отправлении скорейшем г. резидента Лашкарева и, следовательно, о заготовлении нужных для него наставлений..." В инструкции Лашкареву подчеркивалось намерение русского двора "защищать до крайности" вольность и независимость "области Татарской" и, что особенно любопытно, даже оказывать всяческое содействие Шагин-Гирею. Относительно же политики западно-европейских держав указывалось - в полном соответствии с недавно высказанным мнением членов Коллегии, - что шведский двор "не без внутренней зависти взирает на величие России"; французский, испанский, неаполитанский, "конечно, не много России добра же-

лают, особливо же французский, имеющий в привычке рассылать повсюду своих эмиссаров". При этом в инструкции подчеркивалось: "Если появится в Крыму какой-либо француз под названием лекаря или же купца надобно вам будет как примечать за его поведением, так и представлять благовременно хану о его высылке". И далее: "...нельзя думать, чтобы англичане не имели внутренне с Францией зависти к одержанному нами от Порты свободному кораблеплаванию по Черному морю" [1г, 1782-1783, оп. 123/2, д. 75, л. 10-11].

Сложные "крымские обстоятельства" торопили отправление российского резидента к хану Шагин-Гирею. Заготовленные в Коллегии две грамоты (одна - рекредитивная - для резидента Петра Веселицкого; другая - кредитивная, верительная - для Сергея Лашкарева) были вложены "каждая в особый мешок, сделанный из золотого глазету с серебряным в округе плетешком" и вручены Сергею Лазаревичу. 9 апреля 1783 г., спустя несколько дней после своего прибытия в Крым, Лашкарев сделал попытку во время частной аудиенции у Шагин-Гирея прояснить ближайшие намерения последнего; однако хан ограничился лишь туманными заявлениями, что он-де "всегда чувствовал и чувствует высочайшую милость ее величества, и ни за что на свете из подаваемых ему [императрицей] повелений выступать не намерен, и всю свою надежду возложил на всевышнего и покровительство высочайшего всероссийского двора".

В это время командующий российскими войсками в Крыму генерал-поручик граф Дебальмен направил курьера в имение Потемкина в Кричеве (близ Могилева), где тогда находился князь. Граф уведомлял его, что 17 апреля 1783 г. Шагин-Гирей отказался от ханства. В донесении сообщались такие подробности: "Хан приказал собраться мурзам, духовенству, из черни от

каждой деревни по два человека", а на запрос командующего о цели такого собрания отвечал, "что съезд татар делается для совещания о благосостоянии области". На самом же деле так "как народные толкования производили в хане непрестанное огорчение, то он объявил собранию письменно, что от ханства отказывается". При этом Дебальмен поспешил заявить ханским чиновникам: надеюсь, "что общество не отважится избрать себе другого хана до получения от ее императорского величества на донесение его - резолюции" [1г, 1782, оп. 123/2, д. 71, л. 41 об. - 42].

Дебальмен еще не знал, что в это время такая резолюция в виде манифеста уже была подписана Екатериной II. В этом документе от 19 апреля 1783 г. было объявлено о присоединении к России Крыма, Тамана и Кубани в следующих выражениях: "Возвещая жителям тех мест силою сего нашего императорского манифеста таковую бытия их перемену, обещаем свято и непоколебимо за себя и преемников престола нашего содержать их наравне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно, и дозволить напоследок каждому из них состоянию все те правости и преимущества, каковыми таковое в России пользуется; напротив чего от благодарности новых наших подданных требуем и ожидаем мы, что они в счастливом своем превращении из мятежа и неустройства в мир, тишину и порядок законный потщатся верностию, усердием и благонравием уподобиться древним нашим подданным и заслуживать наравне с ними монаршую нашу милость и щедроту" (см. Приложение).

Узнав из депеши Дебальмена о добровольном отречении хана, князь Потемкин счел эту новость подарком судьбы и тут же отправил курьера с срочным доне-

сением в Петербург, в котором предлагал изменить "мотивировочную часть" манифеста. В любопытном письме к князю Безбородко, которое почему-то оказалось не замеченным исследователями, Потемкин писал: "Как хан исполнил то, что только с здешней стороны желать можно было, то следует сделать перемену в манифесте - объявить поводом сложение ханом его достоинства и что Россия не может в другой раз испытывать, каков будет новый хан, претерпя убытки и при таком, который Порте не больше предан был как к России" [1г, 1782, оп. 123/2, д. 71, л. 56]. Но было уже поздно: манифест обнародовали.

В день подписания манифеста был направлен рескрипт к Булгакову в Стамбул. Ему было приказано подготовиться: "1) К надлежащему встречению жалоб, шума и самих угроз Порты; 2) К настроению всех пружин на остановку ее в первом жару и 3) К приведению архива и казенных денег... в совершенную беспечность". Кроме того, в беседах с турецкими властями ему следовало "держаться описанных в манифесте побудительных причин". Булгакову также следовало "убеждать Порту в истине той, что нельзя было ее императорскому величеству не взять татар в подданство свое, что инако всегда бы надлежало спориться и воевать за них, и что, впрочем, Порта сама провоцировала ее императорское величество к сему поступку..." [там же, л. 34 об.].

Что же происходило в Тавриде? 17 апреля 1783 г. на частной аудиенции у Шагин-Гирея резидент Веселицкий, заметив во время беседы, что хан стал "ободрительнее" вручил ему свою отзывную грамоту. Лашкареву же вручать свою верительную грамоту было уже некому. Поэтому-то, отправляясь в конце 1783 г. в Петербург для получения новых инструкций, он захватил с собой этот не нужный теперь никому документ. В составленном сразу же после прибытия в столицу (4 де-

кабря) "покорнейшем доношении" Лашкарев уведомлял, что он "за долг почел" сдать под расписку в Коллегию "высочайшую грамоту к хану Шагин-Гирею, которая по причине перемены обстоятельств осталась ему не вручена" [1г, 1782-1783, оп. 123/2, д. 75, л. 63].

Так эта верительная грамота волею случая оказалась в коллежском архиве. Вот почему сегодня, 210 лет спустя, мы имеем возможность ознакомиться с этим, можно сказать, идеально сохранившимся необычным музейным экспонатом. Это - хитроумно сложенная в гармошку плотная бумага. Разворачиваем ее. На большом белом листе безымянный мастер, приставленный к "расписанию золотом грамот", красиво расположил строгий текст, обрамленный мастерски нарисованной затейливой узорчатой рамкой. Выходит, что не только у книг, но и у верительных грамот бывает свою судьба...

Формальное отречение хана отнюдь не означало, как покажут дальнейшие события, что он намеревался покинуть Крым. Так, в своем отказном листе Шагин-Гирей не забыл указать, что "для жительства его будет [выбрано] какое-либо удобное место в землях, собственно татарам принадлежащих" [1г, 1782, оп. 123/2, д. 71, л. 47 об.].

Весной 1783 г. в Коллегию был приглашен крымский посланник Темир-ага, которого принял вице-канцлер Остерман. В протокольной записи состоявшейся беседы есть такие строки: "По[сле] обыкновенных приветствий вице-канцлер сказал посланнику, что он имел честь докладывать ее императорскому величеству о присланном к нему повелении Шагин-Гирея без замедления [посланнику] в свое отечество возвратиться по причине учиненного от хана отрицательства от правления Татарской области". При сем письме был приложен "отрицательный лист" хана. Далее Темир-аге было заявлено, что князь Потемкин направлен в Крым как

"для объявления татарам о принятии их в подданство и приведении их к присяге в верности, так и для учреждения земского правления". А во время другой их встречи, состоявшейся 18 мая 1783 г., Остерман сообщил Темир-аге об определении Шагин-Гирею "ежегодной пенсии по двести тысяч рублев". После этих слов в протокольной записи читаем: "Тут видна была на лице Темир-аги истинная радость с некоторым удивлением". Не позабыт был и сам крымский посланник: вице-канцлер вручил ему бриллиантовый перстень.

О том, как население Крыма встретило манифест от 19 апреля 1783 г. о принятии его в российское подданство, свидетельствует, в частности, "письмо крымского общества таманским жителям", датированное 22 июля того же года и написанное, вероятно, не без подсказки самого Потемкина. Приведем небольшой отрывок из этого документа, переведенного в свое время с татарского на русский язык: "Мы, узнавши, вас дружески извещаем, что здесь и в ваших местах высочайший манифест всепресветлейшей монархини уже объявлен, равно и плакат его светлости князя Григория Александровича Потемкина нам читан. И мы, действительно оное уразумев, что закону и вере нашей не противно и никакого нет нам притеснения, душевно тем уверились и потому присягнули быть верноподданными ко всепресветлейшей нашей государыне... В печатках подписали: Ширинский Мегмет Бей Бакир Ага, Мансурский Эмир Бей" [1г, 1783, д. 77, л. 236].

Полностью доверять такому документу, по-видимому, не следует хотя бы уже потому, что еще за год до его оглашения князь Потемкин, о чем уже выше упоминалось, поспешил уверить Екатерину II в том, что-де население Крыма охотно присягнет на верность Российской империи. Оставим такое предположение на совести князя. Во всяком случае, в те далекие от нас

времена референдумы в моду, как известно, еще не вошли.

Тем временем Екатерина II с нетерпением ждала важных вестей от Потемкина: тогда много дней требовалось курьерам, чтобы добраться до Петербурга. О нетерпении императрицы можно судить по ее письмам Потемкину. 9 июня 1783 г.: "...я надеюсь, что мои письма теперь, князюшка, до рук твоих дошли... Прошу тебя всячески не мешкай занятием Крыма". Четыре дня спустя снова послан курьер: "Желательно весьма, чтоб ты скорее занял Крым..." 15 июля: "Я ждала занятия Крыма по крайнем сроке в половине мая, а теперь и половина июля, а я о том не более знаю, как и папа римский". И уже через пять дней: "После долгого ожидания наконец вчерашнего числа получила я, любезный друг, твоего письма от 10 сего месяца из Карасу Базара с приятными вестями о присяге Крыма и двух Ногайских орд; за все то благодарю тебя. Авось либо все обойдется на сей раз без дальних хлопот".

Обращают на себя внимание и такие строки из рескрипта, адресованного князю Потемкину 28 июля 1783 г.: "Благополучное сего знаменитого дела совершение с таковым устройством мы относим к известному нам Вашему усердию [с]пособствовать славе нашей и пользе отечества и к благоразумным Вашим распоряжениям..." Екатерина II при этом изъявила князю "как первому и главному подвижнику" крымской операции свое "особливое монаршее удовольствие". Потемкин получил титул светлейшего князя Таврического. Не забыты были и другие "действующие лица": А. В. Суворов, П. С. Потемкин и граф Дебальмен были награждены орденами; Лашкарев - пожалован в канцелярии советники с последующим повышением по службе ("предполагая при открытии удобного для него места его определить") [18, т. 27, с. 265-272]. Вскоре в

Крыму началась раздача казенных земель. Потемкину перепало свыше 85 тыс. десятин земельных угодий; стали владельцами наделов в Судакской долине Булгаков и Лашкарев.

Получив победную реляцию, Екатерина II в одном из писем Потемкину сообщала: "...друг мой сердечный. На зависть Европы я весьма спокойно смотрю: пусть балагурят, а мы дело делаем". Но Европа не только "балагурила". Иностранные дворы, о чем уже упоминалось, быстро отреагировали на события в Крыму, а Фридрих II даже настойчиво советовал Екатерине II не предпринимать ничего, что могло бы "обидеть" Высокую Порту.

Между тем в Петербурге все же опасались, и не без оснований, что Османская империя, не спешившая, естественно, признать присоединение Крыма к России, попытается использовать Шагин-Гирея для создания новых "замешательств" в Тавриде. Это же обстоятельство имел в виду Потемкин, когда предписывал генерал-поручику Дебальмену: "Неизвестно еще, на что решится сия держава, получа известие о присоединении области Крымской к России, а потому и нужно поставить себя на всю военную осторожность".

В создавшихся условиях Петербург настаивает о переезде Шагин-Гирея на жительство в одну из центральных губерний России. Ему предлагается на выбор три города: Воронеж, Орел или Калуга. Екатерина II по этому поводу спрашивает князя Потемкина: "Нельзя ли хана переманить на твердую землю?" Но хан под разными предлогами переезжать отнюдь не спешит. То он заявляет, что нуждается в деньгах, и по распоряжению Потемкина ему вручают кругленькую сумму - 50 тыс. руб. ассигнациями. А то, когда в июне 1783 г. Лашкарев передает хану присланные для него Потемкиным паспорта, он заявляет, что болен и собирается

ехать в Тамань.

Вместо того, чтобы покинуть наконец Крым, Шагин-Гирей посылает письма к Лашкареву с просьбой оказать содействие в свободном выезде из Крыма некоторых высокопоставленных чиновников из его окружения. Среди подобных просьб интересна следующая. Бывший крымский владетель запрашивает паспорта для своего племянника и его семьи, которые намеревались отправиться в турецкие пределы. В то же время Шагин-Гирей направляет письмо к реис-эфенди. Таким образом хан готовил для себя своеобразное алиби на случай, если ему самому доведется направиться в Турцию.

Такое поведение Шагин-Гирея вызвало, естественно, сильное неудовольствие в Петербурге. Екатерина II писала князю Потемкину: "Мне пришло на ум, если Шагин-Гирей еще шалить станет, то приводить ему на ум, что Портою смененные ханы по двести тысяч пенсии никогда не получали". Но ничего не помогало. Любопытно, что не далее как 26 апреля 1783 г. Потемкин полагал, что хан послушается его, князя, советов; в письме к Екатерине II он поторопился сообщить, что "хан подал много способу к достижению высочайших намерений, уведомил: что он спешит скорее прибыть в назначенное ему место" [1г, 1782, оп. 123/2, д. 71, л. 55-55 об.].

Однако вместо этого, как сообщал Лашкарев, Шагин-Гирей "решился не переменять своего упрямства", зато продолжал обращаться со все новыми просьбами к Петербургскому двору. Так, Шагин-Гирей, которому в свое время было присвоено звание капитана российской гвардии, теперь вдруг восхотел получить чин... генерала. Присваивать генеральский чин бывшему владетелю посчитали в Петербурге не совсем удобным, а отказать ему означало дать повод обидеться, что мо-

гло, в свою очередь, задержать его еще на какое-то время в Крыму. И выход нашли: решено было наградить хана учрежденным еще Петром Великим первым русским орденом Св. Андрея Первозванного, статут которого предусматривал получение чина генерал-поручика.

Правда, при вручении знаков этого самого престижного в России ордена Шагин-Гирею могли возникнуть трудности чисто протокольного характера. Дело в том, что орден этот состоял из знаков золотого креста и серебряной восьмиконечной звезды на золотой цепи (оба с изображением распятого Святого Андрея). На знаках - надпись: "За веру и верность". Понятно, что в таком виде иноверец Шагин-Гирей орден носить не смог бы. Однако и на этот раз выход, правда весьма необычный, нашелся. Об этом мы узнаем из текста грамоты, врученной хану по случаю отправленного к нему ордена: "Светлейший хан Шагин-Гирей. В доказательство особливого нашего благоволения к Вам и удовольствия о том доброхотстве и преданности, кои Вы непоколебимо к нам сохранили, посылаем вашей светлости знаки первого нашего кавалерского ордена, учредя оные по разности вер, нами исповедуемых, так, что мы Вам оные пожаловать и Вы оные употреблять могли бы, и присоединя к тому все преимущества, кои кавалерам первого нашего ордена свойственны. Мы пребудем всегда Вам благосклонны. Екатерина. В Царском Селе июня 30-го дня 1783 г." [16, 1783, д. 274, л. 2].

Текст этой грамоты в дополнительных комментариях едва ли нуждается. Хотелось бы обратить только внимание на такую деталь: как это ни парадоксально, но императрица в этом своем обращению к Шагин-Гирею даже не сочла возможным упомянуть название жалуемого ему ордена, опасаясь задеть религиозное чувство хана. Ведь апостол Андрей, согласно церковной

легенде, выступил с первой проповедью христианства на Руси; более того, согласно той же легенде апостол побывал и в Крыму, где распространял христианство. В этой же связи не трудно догадаться, какие именно атрибуты ордена Андрея Первозванного по распоряжению императрицы были опущены медальером при изготовлении орденских знаков, специально предназначенных для мусульманина. Что и говорить, случай, скажем прямо, в своем роде редчайший! И такие операции были проделаны с орденом, в свое время возложенным на Петра Великого!..

Флигель-адъютант императрицы С. Н. Салтыков вручил хану орден. Но это обстоятельство отнюдь не помешало ему ускользнуть в Тамань, а затем податься за Кубань, откуда он "сносился" со своими агентами в Крыму и Турции. Раздражение таким поведением строптивого хана просматривается, в частности, в рескрипте, направленном князю Потемкину Екатериной II: "Князь Григорий Александрович! По содержанию последних Ваших донесений, чтобы хана Шагин-Гирея удалить от земель Татарских, где его пребывание может причинить только беспокойство, я посылаю к нему письмо, в копии при сем приложенное, которые Вы ему доставить прикажете, предписав генерал-поручику Суворову изъяснить Шагин-Гирею, что место ему для пребывания назначается такое, где он спокойнее и выгоднее остаться сможет, покуда настанет время, удобное к произведению в действие моих в пользу его предположений; что дальнее его обращение между татар, над коими его начальство окончилося, не может быть уместно и что я от признательности его ко многим знакам моего благоволения к нему, даже и в настоящей перемене дел оказанным, ожидаю беспрекословного сему повиновения, а в случае уклонения его употребить все возможные средства, чтобы его из Татарской области вы-

весть".

Для чисто хронологической связи событий упомянем об одном необычном, и пожалуй, единственном в своем роде послании, в котором Шагин-Гирей, теперь уже бывший хан, решился обратиться к Екатерине II со словами отнюдь не панегирического содержания; написано оно было 23 февраля 1784 г., перед его вынужденным переселением из Крыма в Россию. Шагин-Гирей представляет "высочайшему престолу обиженное" свое состояние. При этом он уверяет, что, кроме империи ее величества, он не имеет "для себя нигде места". И еще: "Посредством министров империи Вашей (намек, в первую очередь, на князя Потемкина. - *Г. К.*) с различными поруганиями и насилием из отечества моего я изгнан и удален..." [1г, 1784, оп. 123/2, д. 80 л. 2-3]. Императрица отреагировала мгновенно - спустя три дня она писала Потемкину: Шагин-Гирей "вошел в ответе его в разные нескладные изъяснения", и поэтому "мы не можем инако как принять крайние меры... чтоб он непременно и тотчас выехал из Тамана".

О каких мерах идет речь, мы уже узнали из предыдущего рескрипта Екатерины II, адресованного тоже Потемкину. В нем бросается в глаза одна прелюбопытная деталь - императрица идет на обычную хитрость, когда упоминает о возможных в будущем каких-то "предположениях" "в пользу" Шагин-Гирея; никаких реальных, подчеркиваем - реальных, планов на сей счет попросту не существовало.

Исполняя волю императрицы, Потемкин направляет Лашкареву секретный приказ, в котором указывается: "Предписываю Вас со всевозможною поспешностию отправиться в Тамань к хану Шагин-Гирею и объяснить ему, коль неприлично поступает он, упорствуя исполнить высочайшую ее императорского величества волю и удерживаясь в Тамани вместо отправления

внутрь Российских пределов" [16, 1884, кн. 2, с. 23].

Приехавший спешно в Тамань Лашкарев застал там незадолго перед этим спустившегося с гор хана; снова, в который уже раз, начались длительные переговоры и увещевания. Хан, между прочим, отказался от ордена Св. Андрея Первозванного. Вмешался и Александр Васильевич Суворов, который по предложению Екатерины II вынужден был прибегнуть к крайнему побудительному средству - пообещать хану возможность стать... персидским шахом[1]; с таким же успехом можно было посулить ему вероятность превратиться, скажем, в турецкого султана. После длительных переговоров наконец удалось добиться от Шагин-Гирея согласия переехать во внутренние губернии империи. Сменивший Дебальмена на посту командующего русскими войсками в Крыму Игельстром уведомил Лашкарева, что корабль, специально предназначенный для переезда Шагин-Гирея и его свиты в Таганрог, приготовлен.

Только 15 мая 1784 г. последний крымский хан покинул Тамань. Во всех поездках Шагин-Гирея его сопровождал С. Л. Лашкарев, официально назначенный по рекомендации Потемкина приставом хана. По этому поводу Сергей Лазаревич не без горькой иронии писал в Стамбул Булгакову: "...я из резидентов попал теперь в знаменитейший титул, именуюсь и именуют приставом..." Как дипломат он вправе был рассчитывать на большее. В Петербурге же на это, без сомнения временное, назначение смотрели "со своей колокольни":

---

1 Любопытно, что сам Шагин-Гирей поверил в такую возможность; в этой связи он даже обратился в ноябре 1782 г. с письмом "на высочайшее имя", в котором уверял императрицу, что примет такое назначение "с благодарностью" (8, т. 4, с. 917).

важно было приставить к Шагин-Гирею именно Лашкарева, который обладал такими личными качествами, как обязательность, обаяние, умение - нет, талант! - быстро устанавливать контакт со своими собеседниками, будь то крымский хан, высокопоставленный турецкий дипломат или простой писец. И действительно, Шагин-Гирей весьма ценил и уважал своего пристава.

Из Тамани Шагин-Гирею велено было переехать в Воронеж. Тысячеверстный путь до этого города был необычайно тяжел. Первоначально предполагалось, что Шагин-Гирей осядет в этом городе надолго, если не навсегда. Однако по высочайшей воле в январе 1786 г. ему предстояло перебраться в Калугу; и в этот город сопровождал бывшего владельца Лашкарев. Во время всех переездов Шагин-Гирея, как вспоминал известный мемуарист А. Т. Болотов, велено было "оказывать ему везде особенную честь, как бывшему владеющему государю, выставлять везде под него и свиту его до ста подвод и везде его встречать и провожать исправником и городничим". На пути в Калугу хану предстояло проезжать через Богородицк, где и была ему назначена "станция". Расторопный тульский наместник выбрал для него добротное здание "о двух этажах". Наместник распорядился, чтобы хозяин этого единственного в своем роде строения, "нимало не медля, очистил и опростал дом свой для пребывания" Шагин-Гирея в Богородицке.

Хозяин дома Болотов сразу после отъезда хана нарисовал его портрет "сухими красками". Шагин-Гирей показался Болотову "еще очень не старым и не более как лет 35 или 40. Собою был высок, сух и худ и, точно как монах, весь в черном платье, но вид имел приятный..." [3, с. 381-392].

В Калуге произошел последний поворот судьбы в жизни Шагин-Гирея. В этом городе он оставаться не

пожелал и стал просить разрешения соединиться со своими единоверцами в Османской империи. Из Петербурга такое разрешение вскоре было получено, и Шагин-Гирей отправился в путь. Его проводили "со всеподобающей честью". Вскоре, однако, после своего приезда в Стамбул Шагин-Гирей по приказу султана был сослан на о-в Родос и там удавлен.

Указом Екатерины II территория бывшего Крымского ханства стала особой административной единицей в составе Российской империи и получила название Таврической области. Утверждение России на Черном море - безусловная заслуга светлейшего князя Таврического. Как заметил великий поэт, "имя странного Потемкина будет отмечено рукою истории".

Справедливости ради следует отметить, что у Светлейшего были "соавторы", роль которых в усилении стратегических позиций России на Черном море была значительной. Приведем хотя бы два примера. В описываемое время в Петербурге непосредственно занимался крымскими делами князь А. А. Безбородко, которого иногда придворные уважительно-шутливо называли русским реис-эфенди, так же, как, впрочем, сами турки величали Потемкина Великим визирем России. В связи с этим следует упомянуть об одной характеристике на Александра Андреевича, которую удалось обнаружить в архивных фондах. Князь Безбородко, читаем, "имея честь носить на себе отличную монаршею доверенность... так направлял все дела, по иностранному департаменту текущие, чтоб к произведению в действие" намерений императрицы всероссийской "всегда оставалась ртверстая стезя". Обратим внимание читателя и на такие строки: "Князь Потемкин засвидетельствовать может, какое участие принял он, Безбородко, в приведении в действие предложения о Крыме..." [1в, 1782-1790, д. 585, л. 160]. Кто же автор этого, в

Александр Андреевич Безбородко
князь

общем-то объективно составленного текста? Правда, подпись под документом отсутствует, да она и не требуется, поскольку этим же легко узнаваемым и не слишком разборчивым почерком написаны сотни, если не тысячи, самых различных документов. Характеристику эту собственноручно написал... сам Безбородко.

Какие проблемы занимали многоопытного Безбородко в описываемое время, можно судить и по рескриптам императрицы к Булгакову, составленным ее секретарем Александром Андреевичем. В одном из них среди нескольких инструкций посланнику содержится и такая: "На заключение сего рескрипта оставили мы упомянуть о последнем пособии, которое у турков нередко действовало более всех других доказательств. Мы разумеем здесь известное их лакомство. Постарайтесь обратить оное на пользу..." При этом подчеркивается: "...но в сем случае нужна крайняя осмотрительность, дабы безверной в успехе надежды не пожертвовать напрасно деньгами". Кому же предназначалось столь дорогое "лакомство"? Читаем: "Есть ли кто из министров, духовенства или же наперсников султанских возьмется удержать Порту в мире после приведения татар под державу Российскую, тому дать в дар хотя бы за сто тысяч рублей..." [18, т. 27, с. 249].

Серьезно занимался проблемой Крыма и Яков Иванович Булгаков, который, по словам того же Безбородко, "преуспел во всем", что ему Екатериной II поручено было. Затем в характеристике читаем: "Каждое из его донесений доказывает его усердие к службе, рвение [с]пособствовать славе и пользе" России. Известно, что в Коллегии были серьезно озабочены дипломатическим обеспечением решения императрицы о присоединении Крыма к России. Следовало добиться согласия Османской империи на новый статус Тавриды. "Чрезвычайному посланнику и полномочному министру" в Стамбуле

Поспѣшествующею Милостію Мы Екатерина вторая Императрица и Самодержица всероссійская: Московская, Кіевская, Владимирская, Новгородская; Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская, и великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, и иныхъ Государыня, и великая Княгиня Нова-города Низовскія Земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣло-Озерская, Удорская, Обдорская, Кондійская, и всея Сѣверныя страны повелительница и Государыня Иверскія Земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскія Земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ, наслѣдная Государыня и Обладательница. Свѣтлѣйшему и Славнѣйшему Крымскому и всѣхъ Нагайскихъ Народовъ Хану Шагинъ Гирею Наша Императорская Милость и поздравленіе. Мы заблагоразсудили отозвать находившагося при вашей Свѣтлости Нашего Полномочнаго Министра веселицкаго для употребленія при другихъ дѣлахъ: а на место его опредѣлить въ качествѣ Резидента Нашего Надворнаго Совѣтника Сергѣя Лошкарева, котораго силъ аккредитуя желаемъ и требуемъ, чтобъ вы дозволяли ему всегда по возстребованію дѣлъ и обстоятельствъ свободной къ себѣ доступъ и подавали вѣру всему, что онъ вашей Свѣтлости именемъ Нашимъ и двора Нашего предлагать будетъ, а особливо увереніямъ продолжительнаго Нашего попеченія объ истинномъ благѣ вашей Свѣтлости и всей Области Татарской. Дано за подписаніемъ собственной Нашей руки и съ приложеніемъ Императорской печати въ столичномъ Нашемъ Городѣ Санктъ-петербургѣ въ 30. день Генваря мѣсяца отъ Рожества Христова 1783, а Государствованія Нашего двадесять перьваго Года.

Екатерина

Верительная грамота С. Л. Лашкареву
1783 г.

Булгакову удалось, казалось бы, невозможное: всего через несколько месяцев Турция согласилась с нужным России решением "крымских обстоятельств". 29 декабря 1783 г. Булгаков и великий визирь Хассан-паша завизировали акт относительно Крыма "в 3-х статьях". Этот успех российской дипломатии позволил серьезно изменить геополитическую обстановку на Юге империи и на несколько лет смягчить противостояние между Петербургом и Стамбулом. На своем посту в Турции Яков Иванович сталкивается с огромными трудностями. Булгаков по этому поводу замечал: "...конечно, не меньше бы другого я сделал во всяком другом месте, но здесь, где головы, следовательно, и дела совсем инако устроены, невозможно льстится ни в чем верным успехом, ни предвидеть, что будет завтра. Все зависит от ежедневных обстоятельств, и все управляется случаем..." [13]. И даже в таких трудных условиях этот замечательный дипломат смог добиться значительных успехов.

Поэтому-то князь Потемкин обращался к российскому посланнику с такими словами: "При многих случаях в отправлении дел столько оказали Вы благоразумия с толиким производили оные искусством, что не остается мне каковые-либо преподавать Вам наставления при доставлении теперь высочайших ее императорского величества повелений касательно дела крымского". Александр Васильевич Суворов добавлял: "Сия доверенность великой Екатерины беспрекословно свидетельствует о Ваших достоинствах, признанных целою Европою" [17]. Когда же стало известно о согласии Порты на присоединение к России Крыма, Светлейший писал Булгакову: "Труды Ваши останутся в потомстве", а 12 февраля 1784 г. по этому же поводу счел необходимым сказать Якову Ивановичу такие слова: "...Вам обязана Россия и сами турки: Ваша твердость и ум отвратили войну. Турки были бы побеждены, но и рус-

ская кровь потекла бы...” Теперь Россия смогла наконец широко распахнуть окно в сторону Черного моря, да и плацдарм Османской империи на подступах к южным районам Российской державы был ликвидирован.

28 июля 1783 г. в именном указе князю Потемкину по случаю “принятия Крымских жителей и прочих Татарских народов в российское подданство” есть и такие строки: “Из сих доходов (податей. - *Г. К.*) повелеваем определить надлежащее и нескудное содержание мечетям и служащим в оных школах их и на другие тому подобные нужные публичные здания и особливо на фонтаны для выгоды народной, из коих один на память столь знаменитого происшествия, каково есть присоединение Крыма и всех земель Татарских к Империи Всероссийской, основать и сооружить в пристойном месте по усмотрению Вашему” [см. Приложение].

Но Екатерина II отдавала себе отчет в том, что такой фонтан вряд ли удовлетворит аппетиты активных участников операции “Крым”. Для них-то и была изготовлена специальная золотая медаль, эскиз которой выполнил сам князь Безбородко. Внизу медали выбиты слова императрицы, начертанные на эскизе: “Польза, честь и слава”. На другой стороне медали изображена карта Крыма, Тамани и Кубани и приведены слова: “Приобретены без кровопролития, апреля 19 1783 года”.

Приложение

Манифест
О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу[1]

В прошедшую с Портою Оттоманской войну, когда силы и победы оружия нашего давали нам полное право оставить в пользу нашу Крым, в руках наших бывший, мы сим и другими пространными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению доброго согласия и дружбы с Портою Оттоманской, преобразив на тот конец народы Татарские в область вольную и независимую, чтоб удалить навсегда случаи и способы к распрям с Портою в прежнем татар состоянии.

Не достигли мы, однако ж, в пределах той части империи нашей тишины и безопасности, кои долженствовали быть плодами сего постановления. Татара, преклоняясь на чужие внушения, тотчас стали действовать вопреки собственному благу, от нас им дарованному. Избранный ими в таковой перемене бытия их самовластный Хан был вытеснен из места и отчизны пришельцем, который готовился возвратить их под иго прежнего господства. Часть из них слепо к нему прилепилась, другая не была в силах противуборствовать. В таковых обстоятельствах принуждены мы были для сохранения целостности здания, нами воздвигнутого, одного из лучших наших от войны приобретения, принять благонамеренных татар в наше покровительство, доставить

---

1 Цит. по [15, с. 897-898].

им свободу, избрать себе на место Сагиб-Гирея, другого законного хана, и установить его правление; для сего нужно было привесть военные силы нами в движение, отрядить из них в самое суровое время знатный корпус в Крым, содержать его там долго и, наконец, действовать противу мятежников силою оружия, отчего едва не возгорелася новая война, как-то у всех в свежей памяти. Благодарение Всевышнему! миновала тогда сия гроза признанием со стороны Порты законного и самовластного хана в лице Шагин-Гирея. Произведение сего перелома обошлося империи нашей не дешево; но мы по крайней мере чаяли, что оное наградится будущею от соседства безопасностию. Время, да и короткое, воспрекословило, однако ж, на деле сему предположению. Поднявшийся в прошлом году новый мятеж, коего истинные начала от нас не скрыты, принудил нас опять к полному вооружению и к новому отряду войск наших в Крыму и на Кубанскую сторону, кои там доныне остаются; ибо без них не могли бы существовать мир, тишина и устройство посреди татар, когда длительное многих лет испытание всячески уже доказывает, что как прежнее их подчинение Порте было поводом к остуде и распрям между обоими державами, так и преобразование их в вольную область при неспособности их ко вкушению плодов таковой свободы служит ко всегдашним для нас беспокойствам, убыткам и утруждению войск наших.

Свету известно, что, имев со стороны нашей толь справедливые причины не один раз вводить войска наши в Татарскую область, доколе интересы государства нашего могли согласовать с надеждою лучшего, не присвояли мы там себе начальства, ниже отмстили или наказали татар, действовавших неприятельски против воинства нашего, поборствовавшего по благонамеренным в утушение вредных волнований.

Но ныне, когда, с одной стороны, приемлем в уважение употребленные до сего времени на татар и для татар знат-

ные издержки, простирающиеся по верному исчислению за двенадцать миллионов рублей, не исключая тут потерю людей, которая выше всякой денежной оценки, с другой же, когда известно нам учинилося, что Порта Оттоманская начинает исправлять верховную власть на землях Татарских, и именно на острове Тамане, где чиновник ее, с войском прибывший, присланному к нему от Шагин-Гирей Хана с вопрошением о причине прибытия публично голову отрубить велел и жителей тамошних объявил турецкими подданными, то поступок сей уничтожает прежние наши взаимные обязательства о вольности и независимости татарских народов, удостоверяет нас вяще, что предположение наше при заключении мира, сделав татар независимыми, не довлеет к тому, чтоб через сие исторгнуть все поводы к распрям, [из-]за татар произойти могущие, и поставляет нас во все те права, кои победами нашими в последнюю войну приобретены были и существовали в полной мере до заключения мира; и для того по долгу надлежащего нам попечения о благе и величии отечества, стараясь пользу средством, навсегда удаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир, между империями Всероссийскою и Оттоманскою заключенный, который мы навсегда сохранить искренне желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков наших решились мы взять под державу нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону.

Возвещая жителям тех мест силою сего нашего императорского манифеста таковую бытия их перемену, обещаем свято и непоколебимо за себя и преемников престола нашего содержать их наравне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно, и дозволить напоследок каждому из них состоянию все те правости и преимущества, каковыми таковое в России пользуется; напротив чего от благодарности новых наших подданных требуем и

ожидаем мы, что они в счастливом своем превращении из мятежа и неустройства в мир, тишину и порядок законный потщатся верностию, усердием и благонравием уподобиться древним нашим подданным и заслуживать наравне с ними монаршую нашу милость и щедроту [8 апреля 1783 г.].

Именной указ, данный Новороссийскому Генерал-Губернатору князю Потемкину О принятии Крымских жителей и прочих Татарских народов в Российское подданство[2]

С удовольствием получив известие о вступлении в подданство наше Крымских жителей и прочих народов Татарских, мы препоручаем Вам подтвердить сим верным нашим подданным вновь уверения о непременной нашей к ним милости и благоволении и что мы, обвыкши спокойствие и благоденствие подвластных нам народов поставлять в главный долг царствования и верховное наше утешение, не приминем стараться распространять оные в пользу сих подчиненных ныне скипетру нашему императорскому народов при соблюдении неприкосновенно целости их природной веры. Между начальнейшими распоряжениями возлагаем мы на Вас о доходах учредить таким образом, чтоб в сих неприкосновенных землях надлежащие подати в казну на нужные по тому краю издержки собираемы были, как-то: таможенные - с соли, с озер подаваемой, с земли вместо поголовных и десятинные - с произрастений, наблюдая, дабы оные отнюдь не были в тягость народную. Из сих доходов повелеваем определить надлежащее и нескудное содержание мечетям и служащим в оных школах и на другие тому подобные нужные публичные здания и особливо на фонтаны для выгоды народной, из коих один на память толь знаменитого происшествия, каково есть присоединение Крыма и всех земель Татарских к Империи Всероссийской, основать и сооружить в пристойном месте по усмотрению Вашему. В

---

2 Цит. по [15, с. 985-986].

службу воинскую сих новых наших подданных не брать и не принуждать, Вы не оставьте представлять нам о всем, что на пользу того края и его жителей устроить потребно и особливо о нуждах и желаниях, Вам от них представляемых. [28 июля 1783 г.].

Словарь терминов

Ага - начальник; составная часть наименований многих должностей и званий, преимущественно воинских.

Бей (бег) - титул военачальников или управителей у турок, крымских татар и других тюркских народов, форма обращения к влиятельному лицу.

Белое море - Средиземное море.

Глазет (гласет) - парча.

Дефтердар - глава государственного казначейства.

Диван - совещательный орган при султане; аналогичные органы имелись у великого визиря и у провинциальных наместников.

Драгоман - официальный переводчик при дипломатических представительствах на Востоке.

Ефимок - русский серебряный рубль.

Интернунциус (интернунций) - дипломатический представитель "священной Римской империи".

Калга-султан - первый наследник престола в Крымском ханстве.

Канцлер - в России высший государственный чин; министр иностранных дел.

Капудан-паша (в русских документах - **капитан-паша**) - главнокомандующий всеми морскими силами Османской империи, адмирал.

Карасубазар (Карасу-Базар) - ныне Белогорск.

Кафа (Кефа) - ныне Феодосия.

Коллегия иностранных дел (учреждена в 1717 г. и заменила Посольский приказ) - с 1832 г. Министерство иностранных дел.

Кредитивная грамота - верительная грамота.

Лев, левок - турецкая серебряная монета с изображением льва.

Мешок (денег) - 500 пиастров (см.).

Мурза - титул члена владетельной феодальной семьи в Крымском ханстве, у ногайских татар и некоторых других народов.

Муфти (муфтий) - мусульманский богослов; глава исламский улемов, наивысший авторитет в вопросах шариатского права.

Ниже - также не; и не; даже не.

Нисанджи (точнее, **нишанджи**) - один из высших придворных чинов в Турции; хранитель султанской печати.

Полуденный - южный.

Порта Высокая, Блистательная - европейское название правительства Османской империи.

Претительность - упорное несогласие, упрямство.

Резидент - дипломатический представитель третьего ранга.

Реис-эфенди - помощник великого визиря; начальник канцелярии Порты, ведавший вопросами внешних сношений.

Рекредитивная грамота - отзывная грамота.

Рескрипт - письмо монарха к подданному (обычно высокопоставленному лицу); грамота.

Сераскер - командующий османскими войсками.

Трактат - международный договор.

Турский - турецкий.

Улемы - мусульманское духовенство.

Уповательно - вероятно.

Фетва - письменный ответ муфтия на юридические вопросы.

Хан - тюркский титул феодального правителя.

Чермное море - Красное море.

Янычары - привилегированная пехота в Османской империи, состоявшая на жалованье у государства.

Библиография

1. АВПРИ - Архив внешней политики Российской империи:

а) фонд Административные дела

б) ф. Внутренние коллежские дела

в) ф. Секретные мнения Коллегии иностранных дел

г) ф. Сношения России с Крымом

д) ф. Сношения России с Турцией

2. Архив Государственного Совета. Т. 1, ч. 1. СПб., 1869.

3. [*Болотов А.Т.*] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: 1771-1795. М.-Л., 1931.

4. *Брикнер А. Г.* История Екатерины II. СПб., 188.

5. Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских. Кн. 24. М., 1856.

6. *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955.

7. *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье. М., 1959.

8. *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России. Т. 1, 4. СПб., 1855-1889.

9. *Кессельбреннер Г. Л.* Хроника одной дипломатической карьеры. М., 1988.

10. *Лашков Ф. Ф.* Шагин-Гирей, последний крымский хан. Симферополь, 1991.

11. *Левашов Павел.* Картина или описание всех нашествий на Россию татар и турков и их браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века. СПб., 1792.

12. *Медведева И.* Русская Таврида. (Симферополь), 1946.

13. Московские ведомости. 15.01.1855, № 16.

14. *Нарушевич Адам.* Таврикия или известия древнейшия и новейшия о состоянии Крыма и его жителях до наших времен. Киев, 1788.

15. Полное собрание законов Российской империи. Т. 21. СПб., 1830.

16. Русский архив. М., 1867, 1884.

17. Русский вестник. М., 1814, № 3, с. 23.

18. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 13, 27. СПб.

19. Сборник Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 3-4. М., 1883.

20. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. VIII, XIV, XV. М., 1962-1966.

21. *Ульяницкий В. А.* Русские посольства за границей в XVIII веке. Ч. 2. М., 1889.

СОДЕРЖАНИЕ

Записка канцлера 9
Последний крымский хан 17
“Секретнейшая декларация” 24
Гвардии капитан на ханском престоле 34
Указ императрицы 50
Операция “Крым” 64
Приложение 84
Словарь терминов 90
Библиография 92

Кессельбреннер Гавриил Леонидович

КРЫМ. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Редактор *А. А. Кожуховская*
Младший редактор *Д. Б. Никонова*
Художественный редактор *В. К. Бисенгалиев*
Компьютерная верстка *И. П. Новожилов*
Корректор *М. Л. Соболева*

Лицензия ЛР №062133

Сдано в набор 10.03.94. Подписано в печать
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура "Академическая".
Усл.п.л.6,0. Тираж 10000 экз. Тип.зак.№ 241.

Издательство ТОО "SvR-Аргус"
109432, Москва, а/я 23.

Московская типография №6
109088, Москва, Южнопортовая ул., д. 24.